

Графиня Козель

Автор:

Юзеф Крашевский

Графиня Козель

Юзеф Игнаций Крашевский

Женские лики – символы веков Саксонская трилогия #1

Польский писатель Юзеф Игнацы Крашевский (1812–1887) известен как крупный, талантливый исторический романист, предтеча польского реализма. В течение всей жизни Крашевский вел активную публицистическую и издательскую деятельность. Печататься он начал с 1830 г. и в своей творческой эволюции прошел путь от романтизма к реализму. Отличался необычайной плодовитостью – литературное наследие составляет около 600 томов романов и повестей, поэтических и драматических произведений, а также работ по истории, этнографии, фольклористике, путевых очерков, публицистических и литературно-критических статей

Роман «Графиня Козель», представленный в данном томе, переносит читателей в XVIII век, в годы Северной войны, когда польской короной владел блистательный курфюрст Саксонский Август II, прозванный современниками Сильным. Превосходный знаток «саксонской эпохи», Крашевский сумел передать ее колорит с исторической достоверностью. В центре романа непростая и романтическая судьба графини Анны Гойм (Козель).

Юзеф Крашевский

Графиня Козель

* * *

Книга первая

I

Королевский замок в столице Саксонии словно вымер: в нем было тихо, мрачно и уныло. Ночь стояла осенняя, хотя обычно в конце августа листья едва начинают желтеть, холодные ветры дуют редко, дни бывают еще погожие, а ночи ясные и теплые.

Но в тот вечер подуло вдруг с севера, и огромные тучи, черные, рваные, тянулись одна за другой, а редкие звездочки загорались и тут же гасли. У Георгентор в воротах замка и во дворе шагала взад и вперед безмолвная стража. Освещенные всегда окна королевских хором, откуда струились в изобилии свет и музыка, были сейчас темны и затворены. А это было явлением необычным во времена царствования Августа, прозванного Сильным, потому что сила его проявлялась во всем – он гнул железо, сгибал людей, одолевал тоску и напасти, его же ничто сокрушить не могло. На всю Германию, да что, на всю Европу славился блестящий королевский двор, перед которым меркли все остальные: не было равного ему по великолепию, изысканности и расточительности.

Однако в нынешнем году Август II потерпел поражение. Швед лишил его польского престола, на который он был избран. Низвергнутый, можно сказать, с трона, изгнанный из королевства, Август вернулся в свое курфюрстское гнездо оплакивать потери, загубленные зря миллионы и черную неблагодарность поляков. Саксонцы недоумевали, как можно не боготворить такого великодушного и милого государя и не жертвовать ради него головой.

Август недоумевал больше всех. Слово «неблагодарный» сопутствовало всякому упоминанию о поляках, и в конце концов в присутствии Августа стали избегать разговоров об этой стране, о шведском короле и обо всех последних неудачах. Август же Сильный дал себе слово когда-нибудь вернуть былое могущество.

Дрезден после возвращения короля предался развлечениям, дабы утешить его, но нынче в замке стояла непонятная тишина. Почему? Никто не знал. Ведь король еще не отбыл ни в одну из своих резиденций, да и ярмарка в Лейпциге еще не открылась; к тому же ходили даже слухи в городе и при дворе, что Август назло шведу собирается устраивать балы, карусели, маскарады, чтобы доказать ему, что не слишком близко принимает к сердцу временное свое поражение.

Редкие прохожие, поравнявшись с замком, взглядывали на окна и удивлялись, почему так рано у короля воцарились тишина и тьма. Но если бы кто-нибудь из них, миновав большие ворота и первый двор, проник во второй, он бы убедился, что замок лишь кажется вымершим, внутри же в нем бурлит жизнь.

Стража не пускала туда никого.

На втором этаже окна, несмотря на ветер, были настежь растворены, за припущенными занавесями сиял яркий искрящийся свет, отражавшийся во множестве зеркал, в зале время от времени взрывался гомерический смех; вылетая во двор, он пугал стражу и, ударившись о серые стены, замирал еле слышным эхом.

Смеху вторил гул, он то ослабевал, то усиливался, потом переходил в бормотание и вовсе затихал. Вдруг, как бы после чьих-то слов, срывались рукоплескания и снова гремел смех, царственный, раскатистый, ярый, смех человека, не боявшегося услышать в ответ колкость и язвительную насмешку. При взрывах безудержного хохота стражник, расхаживавший под окнами с алебардой, останавливался, поднимал голову и, вздохнув, снова опускал ее долу.

Что-то жуткое было в этом ночном пиршестве под вой свирепого вихря в мертвом замке и затихшей столице.

Там веселился король.

Со времени его возвращения из Польши такие ночные пиршества в узком кругу наперсников (назовем их приятелями) стали явлением обычным. Август Сильный, побежденный чудаковатым, слывшим недоумком Карлом XII, стыдился показываться на многолюдных сборищах, но без празднеств и забав он жить не мог и потому ограничил себя небольшим кругом приближенных. На стол ставили венгерское золотистое вино, за которым каждый год посылался нарочный в Венгрию, наполняли кубки и пили до самого рассвета, до той минуты, пока, заснув, не валялись со стульев, пока разгулявшегося короля придворный не уводил под руку в опочивальню и не укладывал в постель.

В круг избранных жрецов мадьярского Бахуса допускались немногие: только верные и преданные, только фавориты, ибо король (так говорили) после нескольких кубков вина становился опасным для тех, кого не выносил. Сила у него была геркулесовая, гнев олимпийский, а власть неограниченная. Днем, стоило ему разгневаться на кого-нибудь, лицо его сразу вспыхивало красным заревом, глаза сверкали, губы дрожали, и он отворачивался, чтобы не видеть того, кто вызвал в нем гнев. Но вечером, после возлияний, не один приближенный был выброшен из окна и, упав на камни мощеного двора, уже не поднимался более.

Так говорили люди. Вспышки гнева у короля были редкими, но страшными, как гром небесный.

В обыденной жизни трудно было найти человека более покладистого, приятного и обходительного. Люди замечали даже, что чем хуже он к человеку относился, тем ласковей была припасенная для него улыбка, а перед тем как сослать кого-нибудь из своих фаворитов в Кёнингштейн, нередко на десятки лет, Август сжимал его в объятиях, как лучшего друга. Такая уж это была благородная натура – во что бы то ни стало хотелось ему смягчить уготованную людям тяжелую участь.

Но без развлечений Август обойтись никак не мог, что ж удивительного, если приводили к нему для потехи двух медведей и стравливали их, а то подпаивали двух завязых врагов, чтобы они друг с другом грызлись. Развлечения такого рода очень по душе были королю, и, когда Вицтумы, Фризены или Гоймы, выпив, принимались яростно поносить друг друга, король надрывался от хохота. Что и говорить, невинная то была забава.

А сравить своих приближенных королю ничего не стоило, ведь он знал о них всю подноготную: кто кого любит, кто кого ненавидит, кто незаконно взял деньги из казны и сколько; даже в тайные замыслы придворных проникал король, а если и не знал о них, то догадывался. Тщетно было бы ломать голову над тем, кто выдавал ему это, кто нашептывал и доносил. В конце концов люди переставали верить друг другу, брат боялся брата, муж таился от жены, отец опасался сына, а король Август Сильный потешался над всем этим сбродом.

Он взирал с высоты своего величия на комедию жизни, не пренебрегая в ней олимпийской ролью Юпитера, Геркулеса и Аполлона, а по вечерам Бахуса.

В тот вечер королю было грустно и тоскливо, и, чтобы хоть немножко рассеяться, он решил напоить своих министров, фаворитов и придворных и заставить их исповедаться перед ним.

Посредине освещенного зала, одну стену которого занимал сверкавший хрусталем и золотом буфет с возвышавшимся на нем серебряным в золотых обручах бочонком, стоял длинный стол. За ним сидели верные товарищи королевских забав – граф Тапарель Ланьяско из Рима, Вакербарт из Вены, затем придворные – Вацдорф, прозванный «мужиком из Мансфельда», Фюрстенберг, Имгофф, Фризен, Вицтум, Гойм и, наконец, бесподобный шутник, с виду угрюмый и серьезный, но способный рассмешить даже мертвого – Фридрих Вильгельм барон Киан.

Король сидел в распахнутом на груди камзоле, опершись на локоть, погруженный в невеселые думы. Его красивое, обычно сияющее лицо омрачалось нахлынувшей грустью. Перед ним стояла опорожненная чаша. По пустым бутылкам можно было догадаться, что пиршество длится давно, но действие божественного напитка не отразилось на лице короля. Янтарная влага не расцветила его черных мыслей.

Придворные состязались в балагурстве, стараясь развлечь короля, но и это не помогало. Август сидел задумавшись и ничего, казалось, не слышал. Такое с ним редко случалось, он любил веселиться и жаждал развлечений. Обеспокоенные придворные исподтишка поглядывали на короля.

На противоположном конце стола сидел невзрачный угрюмый Киан; словно в подражание королю, он тоже оперся на руку, вытянул ноги и, возведя очи горе,

вздыхал.

Вид у него был до смешного грустный.

– Послушай, – зашептал Фюрстенберг, подтолкнув локтем Вакербарта (оба были уже навеселе), – взгляни на его величество. Плохи дела, сегодня что-то не удастся развеселить его, а ведь одиннадцатый час, пора бы ему уже быть в радужном настроении. Наша вина...

– Я тут ни при чем, я гость, – возразил Вакербарт, пожав плечами, – вы его лучше знаете, вам и карты в руки.

– Дело ясное, Любомирская ему наскучила, – отозвался Тапарель.

– Ну, говоря по правде, шведов тоже не так-то легко переварить, – прошептал чуть слышно Вакербарт. – Меня это не удивляет.

– Э! Шведов! Мы и думать про них забыли, кто-нибудь побьет их за нас, а мы будем плоды пожинать, – продолжал, постукивая по рюмке, Фюрстенберг, – не в шведах дело. Он Любомирской сыт по горло, пора ему другую подыскать.

– Разве это так трудно? – шепнул, пожав плечами, Вакербарт.

– Эх, надо было вам из Вены вторую Эстерле привезти, – засмеялся Ланьяско.

И придворные стали шептаться совсем тихо; король, пробудившись, казалось, ото сна, обводил всех глазами, но вот взгляд его остановился на развалившемся в трагикомической позе бароне Киане, и Август громко расхохотался.

Весь зал подхватил его смех, хотя добрая половина присутствующих понятия не имела, по какому поводу государь изволил смеяться.

Только Киан не шевельнулся, не дрогнул.

– Киан, – воскликнул король, – что с тобой? Неужто любовница изменила? Или ты остался без гроша, или враг тебе на пятки наступает? Ты похож на Прометея, которому коршун печень клюет.

Киан повернулся, словно кукла, и тяжело вздохнул. Половина из шести свечей в стоявшем рядом канделябре погасла от его вздоха, и дым разошелся по комнате.

– Киан, что с тобой? – спросил снова король.

– Ваше величество, – ответил барон, – со мной ничего не случилось. Я не голоден, не влюблен, не в долгах, не ревную, но я в совершенном отчаянии.

– В чем дело? Говори! – приказал король.

– О горестной судьбе досточтимого нашего монарха скорблю я, – с серьезным видом промолвил Киан, – да, да! Лик у тебя божественный и сила геркулесова, возвышенное сердце и несокрушимое мужество; ты рожден для счастья, для того чтобы весь мир лежал у ног твоих, а между тем ты ничем не владеешь.

– Да, это верно, – произнес Август, нахмутив брови.

– Нас тут пятнадцать человек, а как развеселить тебя – не ведаем, любовницы изменяют тебе и стареют, вино прокисает, деньги у тебя воруют, а когда вечером ты рад бы отдохнуть в веселой компании, верноподданные сидят перед тобой с похоронными лицами. Разве удивительно, что я, преданный твой слуга, прихожу в отчаяние?

Август усмехнулся, схватил дрожащей рукой кубок и стукнул им о стол. Из-за буфета тотчас выскочили два карла, похожие как две капли воды друг на друга, и вытянулись перед королем.

– А ну-ка, Трамм, – приказал Август, – вели подать бутылку с амброзией! Киана назначаю виночерпием. Вино, что мы пили, было разбавлено водой.

Амброзией называли королевское венгерское, которое для Августа сам Зичи из наиотборнейшего винограда приготавливал; это было всем винам вино, густое, как сироп, обманчиво сладкое и нежное, но способное свалить великана.

Трамм с товарищем исчезли, а минуту спустя появился черный мавр в восточном одеянии, с огромной бутылкой на серебряном подносе. Все встали и поклонились.

приветствовали его; король наблюдал.

– Киан, хозяйничай, – приказал он.

Киан встал. Карлы несли на подносе кубки, но они не понравились Киану, он шепнул что-то карлам, те засеменили к буфету и тут же вернулись с другими кубками разного калибра.

С важностью чиновника, сознающего ответственность возложенного на него поручения, Киан принялся расставлять кубки.

Посередине возвышался королевский кубок – великолепный, изящный и весьма вместительный, его окружили кубки поменьше – министерские, а за ними сгрудилось множество совсем крохотных, с наперсток, будто игрушечных.

Все с любопытством наблюдали за приготовлениями.

Киан осторожно приподнял бутылку, чтобы не взболтать вино, и стал сосредоточенно разливать его. Сначала он наполнил маленькие кубки; казалось, они вмещали самую малость, но когда Киан наполнил их, в бутылки порядком поубавилось. Настала очередь министерских, которые Киан также наполнил среди всеобщего молчания. Вина в бутылки все убывало, и когда дошла очередь до королевского кубка, Киан вылил в него последние капли и взглянул на Августа.

– Хорош виночерпий! – засмеялся король. – Я у тебя на последнем месте. Что это значит?

Все вокруг засмеялись.

– Не понимаю, чему вы удивляетесь, ваше величество! – сказал, поставив на стол порожнюю бутылку, Киан, не утративший ни присутствия духа, ни юмора. – То, что я проделал сегодня с вином, твои министры каждый день проделывают с государственными доходами. Сначала чиновничья мелкота свой карман наполняет, потом те, что чином повыше, а когда доходит черед до королевской чаши – одна муть остается.

Король захопал в ладоши, окинув насмешливым взглядом присутствующих.

– За твое здоровье, Киан! Притча твоя достойна Эзопа. Пусть подадут для меня другую бутылку.

Мавр уже нес на подносе амброзию. Придворные смеялись, потому что смеялся король, но как-то кисло, искоса поглядывая на Киана; а тот взял самый маленький кубок и провозгласил тост за здоровье саксонского Геркулеса.

Все, порядком уже подвыпив, опустились на колени, шум стоял невообразимый, кубки поднялись вверх.

Король выпил свой кубок, чокнувшись с бароном, и поставил его на стол.

– Поговорим о чем-нибудь другом, – сказал он. Фюрстенберг встал.

– Ваше величество! – сказал он. – Пришло время говорить о том, что днем и ночью владеет нашими думами, о женщинах.

– Прекрасно, – поддержал его король, – пусть каждый из вас опишет свою возлюбленную. Фюрстенберг, начинай!

Король произнес эти слова с усмешкой, а лицо Фюрстенберга исказила странная гримаса.

– То, что мне первому выпала такая честь, – заявил молодой друг и наперник короля, – доказывает, что от аргусова ока нашего всемилостивейшего монарха ничто не может укрыться. Он знает, что лгать ему я не стану, и выставляет меня на посмешище. Ваше величество, – Фюрстенберг умоляюще сложил руки, – прошу вас уволить меня от этого.

– Нет, нет, – слышалось со всех сторон, – портрет может быть безымянным, если особу назвать нельзя, но приказ государя свят и нерушим. Начинай, Фюрстенберг.

Все понимали, почему молодому человеку так не хотелось описывать свою возлюбленную. Положение у него сейчас было незавидное. Он разыгрывал из

себя влюбленного во вдовушку, которой перевалило за сорок; к тому же лицо ее было скрыто под густым слоем румян и белил. Но вдова была богатая, а Фюрстенберг нуждался в деньгах. Все знали, что жениться на ней он не собирается, но на придворных балах, маскарадах, пикниках она не отпускала его от себя.

Фюрстенберг мешкал, его стали торопить, топтать ногами. Король приказал всем замолчать и, обращаясь к Фюрстенбергу, сказал:

– Никаких поблажек, изобрази нам писаную красотку, которой ты куришь фимиам.

Чтобы придать себе бодрости, молодой повеса залпом осушил свой кубок.

– Прекрасней моей возлюбленной нет на свете, – начал он, – кто не согласен со мной, тот не знает, что скрывается под маской, которую она надевает для глаз простых смертных. Моя возлюбленная – небожительница, ей одной не угрожает то, что для всех губительно. Красота ее созрела и такой останется навсегда. Всеразрушающее время сломает зубы об ее словно из мрамора высеченные формы.

Смех прервал его слова.

Рядом с Фюрстенбергом сидел Адольф Гойм. Это был хорошо сложенный мужчина с неприятным лицом. Его маленькие, сверлящие глазки смотрели как-то настороженно, всегда бледное, желтое лицо после амброзии немного порозовело. Гойм слыл донжуаном, но в последние годы он скрывал свои любовные похождения, и потому многие полагали, что он остепенился. Ходили слухи, будто он женился, но жена его нигде не показывалась, во всяком случае, ее никто не видел, верно, он держал ее в деревне.

Гойм был, видимо, слабее других, к тому же он устал от ночных пиршеств в обществе короля и сейчас был в сильном подпитии: голова его непроизвольно подергивалась, он с усилием поднимал отяжелевшие руки, губы кривились в недоброй усмешке, веки смежались; одним словом, весь вид его ясно говорил, что он уже не в силах владеть собой.

Узреть Гойма в таком благостном состоянии, когда рассудок не может уже сдержать язык, было самым желанным удовольствием для короля и его друзей.

– Очередь Гойма, – объявил король. – Гойм, – добавил он, – ты меня знаешь, – никаких отговорок. Всем нам известно, что ты большой знаток и любитель женских прелестей и без любви жить не можешь. Из этих стен ничего не выходит. Выкладывай все как на духу.

– Хе, хе, – засмеялся Гойм, вертя головой и играя пустым кубком.

Киан налил ему незаметно вина.

Министр машинально поднес кубок ко рту и осушил его с безотчетной алчностью, свойственной захмелевшим людям, которых мучит дьявольская жажда.

Лицо его побагровело.

– Хе, хе, – забормотал он, – вы хотите знать, как выглядит моя любовница, но у меня ее нет, милейшие господа, да она и не нужна мне – у меня жена богиня.

Все дружно захохотали, только король напряженно и сосредоточенно слушал, не сводя с него глаз.

– Смейтесь, – продолжал Гойм, – но кто ее не видел, тот не видел Венеры, а я не сомневаюсь, что даже Венера рядом с ней выглядела бы прачкой из предместья. Разве можно ее описать? В ее черных очах такая сила и обаяние, что ни один смертный не устоит. Резец в руке самого Праксителя замер бы при виде ее фигуры, а улыбку ее описать невозможно, но она божество суровое и грозное, и улыбка на ее устах расцветает не каждый день.

Присутствующие недоверчиво покачивали головой, Гойм хотел прервать свой рассказ, но король ударил кулаком о стол.

– Опиши ее получше, мне не воздыхания твои нужны, а ее портрет.

– Кто может описать совершенство, – продолжал Гойм, подняв глаза к потолку. – Она обладает всеми достоинствами и лишена недостатков.

– Я готов поверить, что она красавица, – вставил Ланьяско, – если беспутный Гойм вот уже три года влюблен в нее и даже перестал охотиться в чужих лесах.

– Это уж чересчур. Он пьян, – возразил Фюрстенберг. – Неужто она красивей княгини Тешен?

Гойм пожал плечами, с беспокойством поглядывая на короля, но Август спокойно сказал:

– Правда прежде всего. Что ж, твоя жена и впрямь красивей Любомирской?

– Ваше величество, – вскрикнул, воодушевившись, Гойм, – княгиня красивая женщина, а моя жена богиня. Ни при дворе, ни в целом городе, ни в Саксонии, ни в Европе второй такой не найти.

В зале раздался громкий, неистовый смех.

– Ну и забавен же Гойм под хмельком!

– Ну и потешный наш акцизный, когда пьяный!

– Что за бесценный человек!

Один король не смеялся. Гойм, будучи под сильным действием амброзии, не очень-то соображал, где и кому он все это говорит.

– Смейтесь, – вскричал он, – вы ведь знаете меня, недаром донжуаном прозвали, согласны, значит, что нет лучшего знатока женской красоты, чем я. Зачем мне лгать? Моя жена божество, а не женщина, одного ее взгляда достаточно, чтобы в самых холодных сердцах вспыхнул пожар, ее улыбка...

Тут Гойм невольно взглянул на короля.

Выражение лица Августа, который жадно ловил каждое его слово, так испугало Гойма, что он почти отрезвел. Но взять свои слова обратно было уже поздно, и, побледнев, он умолк в оцепенении.

Тщетно насмешками и подзадориванием пытались заставить его продолжать. Гойм от страха пришел в себя; сжав в руке кубок и опустив глаза, он как-то странно задумался.

По знаку короля Киан налил ему амброзии, все чокнулись.

- Мы пили за здоровье нашего божественного Геркулеса, - воскликнул Фюрстенберг, - а теперь выпьем за здоровье пресветлейшего нашего Аполлона.

Одни пили, опустившись на колени, другие стоя, Гойм поднялся, шатаясь, но вынужден был опереться о стол. Вино снова ударило ему в голову, все закружилось перед глазами. Он залпом осушил кубок.

За королевским стулом стоял Фюрстенберг - наперсник короля во всех его любовных похождениях, «Фюрстхен», как ласково называл его король.

- Фюрстхен, - тихо обратился к нему Аполлон, - а акцизный, пожалуй, не лжет. Он уже несколько лет прячет, держит взаперти свое сокровище, надо заставить его показать ее нам... Изыщи любые средства, не жалея денег, я должен во что бы то ни стало ее увидеть.

Фюрст усмехнулся, это было на руку ему, да и всем остальным. Властвующая ныне возлюбленная короля en titre[1 - По титулу (фр.)] княгиня Тешен восстановила против себя всех друзей попавшего из-за нее в опалу государственного канцлера Бейхлинга, после падения которого она унаследовала его дворец на Пирнайской улице. Фюрстенберг в свое время усиленно помогал Любомирской в ее борьбе против других претенденток на сердце государя, однако сейчас это его не останавливало, ибо он всегда и во всем верой и правдой готов был служить Августу.

Поблекшая, отцветающая красота Любомирской, ее манерность, высокомерный тон наскучили королю, он предпочитал любовниц с более решительным, смелым, живым характером. Фюрстенберг понял это из слов короля, по его взгляду. В мгновение ока он очутился возле Гойма и, фамильярно опершись на стул,

наклонился к его уху.

– Дорогой акцизный, – произнес он громко, – мне стыдно за тебя, ты бессовестно лжешь в присутствии его величества, ты насмехаешься над нами и над ним. Я охотно допускаю, что жена такого, как ты, ловеласа и волокиты не может быть чучелом, но сравнивать ее с Венерой, с богиней и даже с княгиней Тешен – издевательство, и больше ничего.

У Гойма опять зашумело в голове.

– Все, что я сказал, – возмущенно воскликнул он, – чистая правда! Tausend Donnerwetter! Potz und Blitz![2 - Тысяча чертей! Тьфу, пропасть! (нем.)]

Его непристойные выкрики заглушил громкий хохот, но на интимной пирушке король все прощал. Под хмельком даже простые смертные обнимали его и лобызали, не боясь, что этот Голиаф задушит их в объятиях.

– Бьюсь об заклад на тысячу дукатов, – заявил Фюрстенберг, – что жена твоя не может быть самой красивой из придворных дам.

Гойму подливали вина, и он с отчаяния все пил и пил.

– Принимаю пари. – Бледный, пьяный, он заскрежетал зубами.

– Судьей буду я! – крикнул, подняв руку, Август. – А суду оттягивать дело не след. Гойм тотчас вызовет жену в Дрезден и представит ее на первом же балу королеве.

– Гойм! Пиши! Королевский курьер отвезет письмо в Лаубегаст, – крикнул кто-то.

– Пиши письмо, пиши сейчас же! – подхватили со всех сторон.

В мгновение ока перед Гоймом оказалась бумага, Фюрстенберг силой всунул ему перо в руку, король торопил взглядом. Несчастный Гойм, у которого в минуты просветления мелькала мысль о распутстве короля и пробуждалась тревога за жену, ничего не сознавая, написал продиктованный ему приказ, чтобы жена тотчас приехала в Дрезден; бумагу молниеносно вырвали у него из рук, и вот

кто-то несся уже по лестнице во двор – немедля послать королевского гонца в Лаубегаст.

– Фюрстенберг, – зашептал Август, – вижу по Гойму, что если он сегодня протрезвится, то свое распоряжение отменит, надо его напоить до бесчувствия, чтобы он ни ногой, ни рукой двинуть не мог.

– Да он уже так пьян, что я за его жизнь боюсь, – ответил князь.

– А я не боюсь, – спокойно возразил Август, – или Гойм уж так незаменим? Мы бы устроили ему пышные похороны с бесчисленным множеством пальмовых веток и венков.

Шутка короля так подействовала, что вся компания с кубками в руках окружила Гойма; его подзадоривали, придумывали тосты, подливали в амброзию из других незаметно появившихся на столе бутылок, и через полчаса... Гойм бледный как мертвец, со свесившейся головой, с неестественно разинутым ртом спал, примостившись на столе. Королевские гайдуки по данному им знаку отнесли его в постель. Скорее из предосторожности, чем заботясь о его здоровье, Гойма не отправили на носилках домой на Пирнайскую улицу, а уложили в одном из королевских покоев и приставили к нему стражу – великана Коянуса, которому было велено, если Гойм проснется, не пускать его домой. Но Гойм ни разу не проснулся; тяжело стелая во сне, он пролежал без сознания до утра. А в зале, как только его вынесли, при закрытых дверях в тесном кругу началась дикая оргия, свидетелями которой были только зеркала.

Король пришел в прекраснейшее расположение духа, которое тут же передалось его придворным. Уже занимался день, когда два гайдука вынесли наконец из зала последнего из пировавших, Августа Сильного, и, как малое дитя, уложили его в постель.

Вы упрекнете меня в пристрастном изображении? Увы! Здесь верно все до мельчайших подробностей.

Фюрстенберг, почти трезвый, один остался в разгромленном зале. Он снял парик, чтобы немного остудить голову, и, глубоко задумавшись, сказал самому себе:

– Наступает новое царство. Любомирская слишком вмешивалась в политику. Она могла бы завладеть королем, а зачем ему умная любовница? Лишь бы любила и тешила его. Это ее назначение. Посмотрим, какова жена Гойма.

II

Лаубегаст расположен на самом берегу Эльбы, в нескольких часах езды от Дрездена. В этой небольшой деревушке уже тогда стояло несколько загородных домов, построенных, очевидно, наиболее знатными и богатыми людьми в округе. Дома эти прятались в старых липах и буках, в ветвях густых елей и сосен.

Загородный особняк Гойма, куда он порой скрывался, покинув дрезденское свое жилище, чтобы провести там вечер или часть дня, а в отсутствие короля даже целые недели, выглядел как все загородные дома того времени: высокая крыша и мансарды на французский манер, затейливые резные и лепные украшения на стенах. Выписанные из столицы мастера с особым тщанием отделали дом, сообразуясь с его скромными размерами. Хозяину, видно, хотелось, чтобы уголок этот радовал глаз. Небольшой двор был огорожен железной решеткой с каменными столбами, на них стояли красивые мраморные вазы, а на более высоких, у ворот, – купидоны с фонарями. Вход в дом с украшенными вазонами и статуями гранитной галереей утопал в цветах. С виду дом, выглядывавший из-за деревьев, казался роскошным, а на самом деле был как монастырь, как пустынь.

Здесь не заметно было ни оживленной суеты, ни многочисленной челяди. Лишь два старых камердинера да несколько дворовых слуг появлялись время от времени возле дома. Под вечер часто выходила оттуда с книгой в руках женщина, которой все жители Лаубегаста любовались из-за изгородей и кустов с тревогой и восхищением. И впрямь удивительно было видеть в таком глухом углу существо, созданное, казалось, для столицы.

Здесь никто не видел ничего подобного, даже представить себе не мог такую красоту. Когда эта высокая молодая женщина с царственной осанкой, белоснежной мраморной кожей, с черными, ясными, живыми глазами шла по улице в ореоле своей молодости, красоты и гордости, сердца тех, кто смотрел на нее даже украдкой, невольно трепетали, – такая была в ней истинно царственная величавость, что хотелось пасть перед ней ниц.

А она, несмотря на свою величавость, была печальна, как сошедшая с могилы надгробная статуя. Она не улыбалась, не поднимала глаз. Смотрела вниз, на черную землю или на серые воды Эльбы, смотрела на цветы, но никогда не срывала их и не нюхала. Она казалась несчастной, а быть может, просто скучала. Было известно, что Анна Гойм уже несколько лет живет здесь взаперти, никого почти не видя, кроме сестры мужа, графини Вицтум, но и ту министр не слишком часто допускал к жене. Ему было известно, что сестра его имела счастье удостоиться кратковременной милости короля и не прочь была бы пользоваться этой милостью и дольше, да не удалось. Оберегая жену от придворных соблазнов и интриг, Гойм даже родную сестру старался от нее отстранить. Графиня Вицтум пренебрежительно пожимала плечами – ей было все равно.

Но Анна смертельно скучала. Единственным ее развлечением были благочестивые книги протестантских мечтателей и уединенные прогулки под надзором старого камердинера.

Жизнь ее текла однообразно и тихо, как в пустыне, но зато и страсти здесь не бушевали. Гойм, по натуре распутник, развращенный к тому же придворными нравами, в первое время очень нежно относился к жене, но вскоре она ему надоела, и он все реже вспоминал о ее существовании. Однако он любил ее как-то по-своему, ревновал и прятал свое сокровище от человеческих глаз. Только когда короля и двора не было в Дрездене, Анне Гойм разрешалось развлечься немного в столице, где в это время царила смертельная скука.

Долгое уединение сделало Анну Гойм высокомерной, раздражительной, пробудило грустные мысли, обиду, презрение к свету и какой-то непонятный аскетизм. Жизнь свою она считала похороненной, погибшей, оставалось только ждать кончины в грустном одиночестве, а между тем она была, как ангел, прекрасна, ей не исполнилось еще двадцати четырех лет, а издали ей можно было дать не более восемнадцати.

Сестра Гойма из-за бурной своей жизни рано утратила свежесть и неповторимое обаяние молодости, и поэтому девичья неувядаемая красота невестки выводила ее из себя. Ее выводило из себя и многое другое: высокая добродетель Анны, ее отвращение к разврату, к интригам и лжи, царственное величие, с каким она взирала на суетную, ехидную, лицемерную золовку. Не будь они связаны родством, графиня Вицтум не прочь была бы видеть Анну униженной,

поправшей свою добродетель. Анна Гойм тоже не любила сестру мужа, инстинктивно чувствовала к ней неприязнь. А мужа она теперь просто презирала. От золовки, нашептывавшей ей о тайных интрижках Гойма, Анна знала, что муж ей не верен. Ей ничего не стоило одним нежным взглядом повергнуть его к своим ногам, она была уверена в своей силе, но слишком ничтожным казался ей Гойм, чтобы этого добиваться.

Встречала она его холодно, провожала равнодушно; Гойм возмущался, но когда доходило до открытой ссоры с женой, чувствовал себя бессильным и спасения искал в бегстве.

Так тянулись грустные и долгие дни в Лаубегасте. Нередко приходила Анне мысль вернуться соломенной вдовой в Гольштинию, в Брокдорф, к родным. Но отца и матери она лишилась давно, а ее родственница, княгиня Брауншвейгская, урожденная Гольштейн-Плён, вряд ли приняла бы ее к себе. Слишком памятной и нашумевшей была выходка шестнадцатилетней тогда Анны, которую князь Людовик Рудольф, плененный ее красотой, хотел поцеловать и – получил публично пощечину.

Куда было деваться бедной красавице?

Несмотря на испорченность двора и близость Дрездена, от которого трудно было утаить эту звезду первой величины, Анна, гуляя в течение нескольких лет по берегу Эльбы, где то и дело проносились дворцовые экипажи, всадники, военные и вся праздношатающаяся орава, окружавшая властителя, умела так искусно скрываться от глаз людских, что никто не заметил ее.

Кроме одного...

Это был молодой поляк, который состоял, или, верней, околачивался, при дворе короля Августа, попав туда случайно, не по своей воле и не по своей воле влачил там весьма нудную жизнь.

Когда Август впервые приехал в Польшу, он, беседуя со шляхтичами, прибывшими на встречу с ним, стал, ко всеобщему изумлению, сгибать в руках серебряные кубки, гнуть талеры и ломать подковы. На обеде в Пекарах после состоявшегося перед чудотворной иконой торжественного обряда куявский епископ, видя, как государь бахвалится своей силой, решил про себя, что это не

предвещает ничего хорошего для Речи Посполитой, и упомянул как бы вскользь об одном молодом человеке, который тоже способен на такие штуки. Это задело короля за живое, он вспыхнул, но сдержал себя, очевидно, потому, что это были первые дни его пребывания в Польше. Август только выразил желание повидать человека, который может состязаться с ним в силе, так как до сих пор в жизни своей такого не встречал. Куявский епископ обещал, когда они приедут в Краков, представить королю после коронации обедневшего шляхтича, происходящего, впрочем, из знатного, а когда-то даже могущественного рода Закликов. Разговор этот был бы забыт среди множества других, более важных дел, епископ не возобновил бы его, уразумев, что некстати упомянул про Заклику, ежели бы государь сам о нем не напомнил и не потребовал немедленно привести к нему Раймунда Заклику.

Юноша этот недавно окончил с грехом пополам иезуитскую школу и теперь шатался без дела, не зная, что предпринять. Он был не прочь пойти служить в войско, но ему не на что было нанять вооруженных слуг, а иначе родовитому шляхтичу не подобало.

После долгих поисков Заклику удалось раскопать в какой-то канцелярии, где он волей-неволей вынужден был орудовать пером. Когда потребовалось представить молодого человека королю, то оказалось, что у него ни порядочной одежонки, ни сабли, ни даже пояса нет. Делать нечего, епископу пришлось просить гофмейстера экипировать Заклику с ног до головы; затем, осмотрев юношу и убедившись, что краснеть за него не придется, епископ стал ждать подходящего случая. Король обычно силу свою показывал на пирах, когда был в настроении. И вот как-то он снова принялся расплющивать жбаны, потребовал подковы, которые придворные всегда держали под рукой. Епископ сидел молча, и король обратился к нему:

– Где же ваш силач, отец мой?

Заклику привели.

Юноша был высокий, как дубок, стройный, румяный, ладный, скромный, как девушка, и вовсе не казался геркулесом. Август взглянул на него и усмехнулся. Так как Заклика был шляхтичем, его допустили к государевой руке.

Разговаривать с ним пришлось по-латыни; ни по-немецки, ни по-французски он тогда ни слова не знал. К счастью, слова не понадобились. Перед королем стояли два одинаковых серебряных кубка. Август взял один своей мощной ладонью, сжал, смял, будто лист бумаги, и расплющил. На дне было вино, оно брызнуло вверх.

Насмешливо улыбаясь, король пододвинул второй кубок Заклике и сказал:

– Попробуй, если согнешь, твой будет.

Заклика робко подошел к королевскому столу, потянулся за кубком, обхватил рукой твердый металл, поколебался с минуту... Но вот кровь юноши взыграла, и кубок расплющился. На лице короля изобразилось недоумение, а потом и недовольство, когда он взглянул на епископа. Тут все, кто опомнился, принялись уверять Августа, что кубок-де был тоньше, а может, и надломленный.

Король стал подковы ломать, как бублики; велели попробовать и Заклике. Раймунд гнул их легко, без всякого усилия. Август взял талер, сжал его обеими руками и тоже сломал. Дали и Заклике, пожалуй, еще потолще, испанский. Раймунд задумался на мгновение, но уже вошел в азарт, а это сил придавало, он и талер согнул.

Король сделался мрачнее тучи, а вслед за ним и весь двор помрачнел от столь нелепого исхода состязания. Август велел наградить Заклику, подарил ему оба кубка, а потом, подумав немного, сказал, чтобы его оставили при дворе. Юноше нашли какое-то местечко, а на следующий день гофмейстер шепнул Заклике на ухо, чтобы он не смел нигде показывать свою силу или бахвалиться ею, не то ему несдобровать.

Так вот и застрял горемыка при дворе, положили ему несколько сот талеров содержания, дали роскошную придворную одежду, дела у него не было никакого, свободы много, только вот если король куда отправлялся, то юноша непременно должен был следовать за ним. Заклика был смирный и покладистый, потому жилось ему неплохо. Король, правда, никогда с ним словом не обмолвился, но помнил о нем, спрашивал и наказывал, чтобы он ни в чем не нуждался. Времени свободного у Заклики было вдоволь, а так как он беспрестанно слышал немецкую и французскую речь, то и принялся оба языка усердно изучать и через два года уже бойко на них тараторил. Но от безделья и

оттого, что не любил общаться с «немчурой» (так презрительно он их называл), *salva reverentia*[3 - Сохраняя уважение (лат.).] лишь к его величеству королю, Раймунд исходил вдоль и поперек все деревушки и леса вокруг Дрездена. Человек от природы любознательный, он взбирался на горы на другом берегу Эльбы, да такие обрывистые, что, глянешь с них, и... *abyssus vocat*[4 - Пропасть влечет (лат.).]. Но с ним никогда ничего не случалось.

Во время одной из таких прогулок попал Раймунд Заклика в Лаубегаст и расположился, на свою беду, отдохнуть в тени под липой. Тут как раз вышла погулять графиня Анна Гойм. Увидев ее, юноша обомлел от восторга, дух у него захватило. Он протер глаза, думая, что видит все это во сне, что такого вообще на свете быть не может. Просидел бедняга, не сходя с места, допоздна и все глядел и глядел и наглядеться не мог. Казалось ему, что так он насытится вволю, но чем дольше смотрел, тем больше хотелось ее видеть. В душу закралась тоска или безумие, он голову потерял и стал бегать в Лаубегаст как одержимый.

А так как никому он своей тайны не открыл, то никто и не подсказал ему, что от такой болезни есть одно только средство: не бросаться в огонь, а бежать от него.

Юноша так влюбился, что с лица спал и совсем одурел.

Женщины, служившие у Анны Гойм, выследили его и, догадавшись, в чем дело, смеясь рассказали хозяйке. Та тоже посмеялась вместе с ними и даже, стараясь быть незамеченной, пошла взглянуть на Раймунда. Ей, быть может, стало жаль юношу, она велела позвать его к себе, пожурила строго за то, что он здесь околачивается, и сказала, чтобы ноги его больше в Лаубегасте не было.

Разговор у них был с глазу на глаз, а одурь придала, видно, Заклике храбрости, он ответил, что смотреть ведь не грех, а больше ему ничего не надобно, и добавил, что, если в него даже камнями будут кидать, он все равно ходить сюда не перестанет, потому что тоска грызет его нестерпимо.

Анна Гойм затопала в гнев ноги, грозилась, что пожалуется мужу, но Раймунд не испугался. Анна несколько недель потом не показывалась там, где он мог ее встретить. Гуляла вдоль Эльбы, пока однажды не заметила, что Заклика, чтобы увидеть ее, по шею в воду зашел, хотя вода была холодная. Анна

страшно разгневалась и стала звать людей. Но Раймунд нырнул и исчез. Он едва не утонул тогда, его схватила судорога, да и мокрая одежда тянула ко дну, но все же спасся. С тех пор он как будто исчез с глаз, да не тут-то было. Просто нашел другую засаду и, глядя оттуда, вбирал в себя отраву этой красоты. Знала ли об этом ее сиятельство графиня, неизвестно, разговоров о Заклике больше не было. А так как при дворе о Раймунде мало беспокоились и король был бы даже рад, если бы он где-нибудь ненароком шею себе свернул, то никто о нем и ведать не ведал. Он же делал, что хотел, и бродил, где хотел.

Один только раз призвали Заклику ко двору – король в приступе сильного гнева одним махом отсек голову здоровенной лошади. И захотелось Августу доказать, что этого даже силач Заклика сделать не сможет. Привели старую костлявую драгунскую лошадь, Заклике шепнули, что копье дорога ему королевская милость, то пусть к лошади не прикасается или хотя бы удар ослабит. Но ему было все равно, а уж раз о силе речь зашла, да кровь у него, как говорится, закипела – разве его остановишь? В присутствии короля, важных сановников и множества зрителей Заклика выбрал клинок поострее и, как бритвой, отхватил лошади голову. Говорили, что у него потом с неделю плечо болело, но ничего, прошло. Король не вымолвил ни слова, только плечами пожал, а конфуз залили вином. На Заклику никто и взглянуть не пожелал, а те из придворных, кто был с ним на дружеской ноге, посоветовали ему убраться поскорей отсюда подобру-поздорову, не то при малейшем удобном случае не миновать ему заточения в Кёнигштейн.

Раймунд пожал плечами, ничуть не испугавшись. Но король на этом не успокоился. Он хотел испытать еще, сколько Заклика сможет вина выпить, но тот пил только чистую воду да изредка кружку пива или рюмочку вина – больше он не мог. Тщетно Август приказывал: пей да пей. Раймунду насильно влили в рот кубок венгерского, от которого он как свалился, так целую неделю в горячке пролежал и чуть было не отправился на тот свет. Но пришел в себя, и даже как будто силы у него прибавилось.

И снова стал Заклика ходить в Лаубегаст, бездумно высматривая там Анну. Любовь словно переродила его, он стал гораздо серьезней, взялся за науку, даже внешне изменился к лучшему.

Графиня Гойм, ничего не таившая ни от мужа, ни от его сестры, о Заклике не обмолвилась ни словом, она, казалось, забыла о нем.

В Лаубегасте день кончался рано, с сумерками запирали ворота и двери на замки и засовы, как повсюду в то время; собак спускали с цепей, слуги ложились спать с петухами, а хозяйка если и засиживалась подольше в тоскливые вечера за книгой, то никто о том не ведал.

В ту ночь, когда в замке предавались разгулу, бушевал осенний ветер, а в Лаубегасте он с такой свирепостью выворачивал деревья и пригибал к земле липы, что о сне не могло быть и речи.

Прелестная Анна читала, лежа в постели, Библию, это было ее излюбленное чтение, особенно Апокалипсис и послания св. Павла. Потом она долго размышляла над ними и даже плакала.

Было далеко за полночь, и вторая свеча догорала в ее комнате, когда возле дома послышался топот, потом кто-то стал ломиться в железные ворота, и собаки так отчаянно залаяли, что даже бесстрашная хозяйка не на шутку встревожилась. Набеги на поместья, особенно близ столицы, стали редкостью в те времена, но все же бывали.

Беглые рекруты, случалось, скрывались, бродяжничая, в горах, – они-то и чинили беззакония, хотя потом им приходилось расплачиваться за это головой, ежели на них устраивали облавы.

Анна стала звонить, подняла всех на ноги. В ворота колотили все сильнее, собаки лаяли все громче. Вооруженные люди вышли во двор и тут-то увидели, что стучит и кричит королевский гонец. У ворот стояла запряженная шестериком карета с лакеями и слугами. Собак посадили на цепи, ворота отворили, гонец передал письмо.

Когда Анне принесли среди ночи письмо, она сразу решила, что случилось что-то недоброе. Она побледнела, но, узнав руку мужа, хотя и нетвердую, успокоилась немного. Мелькнула мысль об опальном канцлере Бейхлинге, он был в величайшей милости у короля, и вдруг однажды ночью его отправили в Кёнигштейн, лишив всего имущества. Сам Гойм неоднократно признавался Анне с глазу на глаз, что он королю не верит и до тех пор не будет чувствовать себя в безопасности, пока не покинет Саксонию и не вывезет свое имущество за границу.

Ни для кого не было тайной, что чем король ласковей, тем больше надо его опасаться. Ему доставляло наслаждение сначала усыпить бдительность своей жертвы, а потом низвергнуть ее с высоты. И Анна забеспокоилась, не постигла ли ее мужа участь канцлера; введя акцизный сбор, Гойм настроил против себя всю страну, к тому же недоброжелатели всюду травили его.

Каково же было удивление Анны, когда она узнала почерк мужа, хотя и нетвердый, торопливый. Он повелевал ей тотчас прибыть к нему в присланной за ней карете. Нельзя же было не подчиниться мужу на виду у людей, да и любопытство ее разгорелось. Анна приказала слугам быстро готовиться в дорогу. Не прошло и часу, как она уже сидела в карете, и ворота мирного лаубегастского дома затворились за ней навсегда.

Странные мысли нахлынули на нее в пути. Анну охватил страх и какая-то грусть, даже плакать захотелось. Она не знала, что грозит ей и грозит ли ей что-нибудь вообще, но на сердце было тревожно. О возвращении короля после долгого его отсутствия знали все. Вместе с королевским двором в Дрезден возвращались интриги, козни, борьба за благорасположение и влияние, борьба, для которой все средства были хороши. Дела там творились на первый взгляд пустячные и безобидные, а на самом деле трагические.

В то время как жертвы со стоном низвергались в ямы и темные подземелья, победители под бальную музыку праздновали свое торжество. Не раз Анна смотрела издали на синюю гору Кёнигштейн, на замок, полный тайн и жертв.

Ночь была темная, но дорогу освещали люди, ехавшие с факелами впереди; лошади мчались во весь опор. Не успели оглянуться, как карета остановилась на мостовой перед домом на Пирнайской улице. Слуги, не дождавшись министра, заснули крепким сном, и их с трудом удалось добудиться. В доме, где Гойм занимал второй этаж, у Анны не было своих комнат. Были там комнаты для приема посетителей и спальня министра, внушавшая Анне отвращение. И, наконец, канцелярия и помещения, заваленные бумагами. Кабинет министра прилегал к большому залу, богато обставленному, но понурому и унылому.

Не застав мужа дома, графиня удивилась еще больше, но слуги объяснили ей, что сегодня ночью у короля пиршество, а пиршества эти длятся всю ночь напролет, а то и дольше – несколько дней и ночей. Ничего не поделаешь, надо было найти какой-нибудь укромный уголок в этом чужом, незнакомом доме мужа, чтобы прилечь и отдохнуть. Графиня выбрала кабинет рядом с

канцелярией министра, в стороне от остальных комнат, велела приготовить себе там походную постель и, запершись со служанкой на засов, попыталась заснуть. Но сон не смыкал усталых век, она тревожно дремала, просыпалась и вскакивала при малейшем шорохе.

Уже совсем рассвело, когда, впад в недолгий глубокий сон, Анна очнулась, услышав, что двери в кабинете Гойма отворились и кто-то вошел. Полагая, что это муж, она вскочила и стала с помощью служанки торопливо одеваться.

Туалет был утренний, небрежный, но он придавал ей еще больше прелести. Усталость, лихорадочное волнение оттеняли царственный блеск ее дивной красоты. Анна с нетерпением отперла дверь в канцелярию министра и остановилась на пороге.

Перед ней стоял незнакомый человек, весь облик и лицо которого произвели на нее странное впечатление.

Это был пожилой мужчина в черном длинном одеянии протестантского священника, с лоснящейся лысой головой, вокруг которой редкие седые встрепанные волосы образовали как бы нимб. Пожелтевшая кожа так обтягивала лоб, что на нем отчетливо выступали жилы. Глубоко запавшие серые глаза, горькая усмешка на губах, невозмутимое презрение к миру во взгляде и при всем том какая-то умиротворенность и сосредоточенность придавали этому некрасивому в общем и незначительному лицу выражение столь удивительное, что от него нельзя было оторвать глаз.

Анна смотрела на него, но и он, пораженный, казалось, ее дивной красотой, стоял неподвижно, устремив на нее полный преклонения взор.

Он стоял изумленный, и губы у него дрожали, потом поднял руку, словно благословляя и отталкивая одновременно.

Два эти человека, совсем незнакомые, с минуту изучали друг друга, священник медленно отступал к двери. Анна искала глазами мужа. Она хотела было уже вернуться в комнату, но тут священнослужитель, взглянув на нее с состраданием, спросил:

– Кто ты?

III

– Скорее я должна спросить, кто вы такой и как попали в мой дом?

– В ваш дом? – повторил изумленный священник. – Как? Вы, значит, жена министра?

Анна надменно кивнула головой. Священнослужитель посмотрел на нее с неимоверной жалостью, он смотрел долго, и в глазах его под сморщенными веками блеснули слезинки; в горьком отчаянии сжал он руки.

Анна с любопытством наблюдала за ним. Неприметный, поблекший, усталый, сломленный жизнью, он, казалось, оживал, преображался под наплывом каких-то чувств, становился значительным и величественным. Гордая женщина почувствовала себя рядом с ним робкой, покорной, как дитя. Вдруг старец пришел в себя, огляделся встревоженно и подошел к Анне поближе.

– Зачем ты, кого Всевышний создал во славу свою, яко кладезь добродетели, ты, излучающая сияние, ангелоподобная, не стряхнешь прах с ног своих, оскверненных прикосновением блудного Вавилона, и не убежишь, разодрав одежды свои белые, из этого обиталища порока и разврата? – промолвил он с внезапным состраданием. – Зачем ты здесь? Кто ввергнул тебя в огонь? Кто этот негодный, швырнувший в гнусный мир чудесное дитя божье? Почему ты не убегаешь? Почему стоишь, безмятежная и, быть может, не подозревающая об опасности? Давно ли ты здесь?

Анна в первую минуту остолбенела, но голос старца так потряс ее, что она, возможно, впервые в жизни почувствовала себя покоренной и оробевшей. Ее возмущал его тон, но сердиться на него она не могла. Она хотела ему ответить, но он не дал ей.

– Знаешь ли ты, где находишься, – продолжал он, – знаешь ли ты, что земля, на которой ты стоишь, колеблется под твоими ногами? Что стены эти разверзаются по первому приказанию и люди, ставшие помехой, исчезают бесследно; что жизнь человека здесь ни во что не ставят и готовы пожертвовать ею ради

крупницы наслаждения?

– Что за страшные картины рисуете вы, отец мой, – вымолвила наконец Анна Гойм. – И почему хотите запугать меня?

– Ибо по невинному лицу твоему и по глазам, дитя мое, – отозвался священник, – я вижу, что ты простодушна и неопытна и не подозреваешь о том, что творится вокруг. Ты, верно, недавно здесь?

– Несколько часов, – ответила, улыбнувшись, Анна Гойм.

– И, конечно, не здесь, – старик горько усмехнулся, – провела ты детство и молодость свою?

– Детство я провела в Гольштинии. Вот уже несколько лет, как я замужем за Гоймом, но он держит меня в деревне, взаперти, и Дрезден я видела лишь издали.

– И ничего, верно, не слышала о нем, – добавил старец, содрогнувшись. – Все, что говоришь ты, я прочитал на челе твоем и в глазах твоих, – промолвил он грустно. – Бог позволяет мне иногда проникать в душу человеческую. Безмерная жалость овладела мной, как только я увидел тебя, прелестная графиня. Мне казалось, что я смотрю на белую лилию, расцветшую в глухом углу, которую стадо разъяренных животных хочет растоптать. Тебе бы цвести там, где ты выросла, и благоухать в пустыне во имя Бога.

Старец задумался. Анна, взволнованная, подошла поближе. Видно было, что она растрожена до глубины души.

– Отец мой, – спросила она, – кто ты?

Старец, казалось, не слышал, так глубоко он задумался.

Анна повторила свой вопрос.

– Кто я? – молвил он. – Кто я? Жалкое существо, грешное и презренное, которому никто не внимлет, над которым все глумятся. Я глас вопиющего в пустыне, я тот,

кто предрекает разруху, гибель, дни покаяния и бедствий. Кто я? Послушное орудие в руках Божьих, доносящее порой до людей могучий голос Всевышнего, но люди не слушают моих пророчеств, а то и насмеются надо мною. Я тот, черное одеяние которого забрасывают грязью уличные мальчишки, я нищий среди богачей, но честен и чист перед Богом, оставаясь невозмутимым среди безумств, с молитвой на устах среди разврата.

Последние слова старец проговорил угасшим голосом и умолк, опустив голову.

– Странная примета, – отозвалась Анна, не отходя от старца, – после нескольких лет спокойной жизни в деревне, куда до меня едва долетал шум столицы, я внезапно приезжаю в город по вызову мужа, и вот на пороге вы – предостерегающий и указующий. Не перст ли это Божий?

Анна содрогнулась, и по телу ее пробежала дрожь.

– Впрямь странно! – повторила она.

– Это промысл Божий, – молвил старец, – беда тем, кто не внимлет милосердному Божьему предостережению. Ты хочешь знать, кто я? Никто, бедный проповедник в храме божьем; говорят, что согрешил я на амвоне и теперь месть земных властителей преследует меня. Зовут меня Шрамм. Граф Гойм знавал меня еще в детстве, я пришел просить его защиты, ибо все угрожают мне. Вот почему я здесь сегодня. Но что привело вас сюда? Кто разрешил вам приехать?

– Собственный муж, – ответила Анна.

– Скажи ему, пусть отправит тебя назад, – зашептал, тревожно оглядываясь, Шрамм. – Я видел прелестниц этого двора, их здесь толпе на улицах показывают, как кукол, ты их красивей стократ. Горе тебе, если ты останешься здесь, опутают тебя сетями интриг, обовьют ядовитой паутиной, усыпят и опоят, вскружат голову сладкими напевами, убаюкают сердце медоточивыми речами, заставят глаза привыкнуть к бесстыдству, приучат к пороку, и настанет день, когда ты, оглушенная, изнеможенная, низвергнешься в бездну.

Анна Гойм нахмурила брови.

– Нет, – воскликнула она, – не так уж я слаба, как вы думаете, и не так уж несведуща в придворных интригах, да и удовольствий не слишком-то жажду. Нет, свет не прельщает меня, я выше этого.

– Но ты лишь очами души своей его видела, лишь чутьем угадала, – возразил Шрамм, – не доверяй себе, беги из этого ада. Изваяния королей превратились здесь в уголь, вымазаны сажей, уходи отсюда, мне жаль тебя и чистую, невинную душу твою.

Шрамм замахал руками, словно хотел скорей прогнать ее отсюда, но Анна стояла все такая же невозмутимая, и на ее устах блуждала насмешливая и вместе с тем жалостная улыбка.

– Куда мне бежать? – отозвалась она. – Судьба моя связана с судьбой этого человека, разорвать узы не в моей власти. Я верю в предопределение – что суждено, того не миновать, но им не удастся усыпить меня, опьянить и подчинить. Нет, не они, а я буду властвовать над ними.

Шрамм взглянул с беспокойством на Анну: она стояла гордая, сильная, величественная, с насмешливой улыбкой на губах.

Тут отворилась дверь, и граф Адольф Магнус Гойм, сконфуженный, еле передвигая ноги, появился, шатаясь, на пороге.

Если вчера за столом среди блестящего общества вид у графа был неприглядный, то сейчас, при дневном свете, после изнурительной ночи, он выглядел еще ужасней. Гойм был высокого роста, широкоплечий, сильный и нескладный. Выражение его лица – заурядного, без тени благородства – то и дело судорожно менялось. Серые глаза то гасли под веками, то вдруг вспыхивали, рот кривился в улыбке, лоб то морщился, то прояснялся, казалось, будто кто-то сидит в нем и властно дергает веревочки, меняя весь его облик. При виде жены Гоймом овладели самые противоречивые чувства. Он улыбнулся ей, но тут же чуть не взорвался гневом, нахмурился, но поборол себя и, поколебавшись немного, вошел в кабинет.

Заметив Шрамма, Гойм сердито насупил брови и позеленел от злости.

– Ах ты, безумец, фанатик, комедиант несчастный, – закричал он, даже не поздоровавшись с женой, – опять накуролесил, опять пришел ко мне, чтобы я тебя из ямы вытащил? Не так ли? Я все знаю; уберешься отсюда, от прихода подальше, в деревню, в пустыню... к простачкам... в горы.

Гойм сделал жест рукой..

– И не жди, что я за тебя заступлюсь, – продолжал он, распаляясь, – еще Бога благодари, если два драгуна выпроводят тебя в дыру какую-нибудь, могло быть и похуже. Ты что думаешь? – горячился министр, подойдя к Шрамму так близко, будто хотел схватить его за шиворот. – Ты что думаешь, будто здесь, при дворе, все дозволено? Да разве можно это твое слово Божье в неподслащенном виде преподносить тем, кто к сладким речам привык? Вдохновенного апостола из себя разыгрывать, обращающего язычников на путь истинный? Сотни раз твердил тебе, Шрамм, я помочь тебе не в силах, ты сам себя губишь.

Шрамм, ничуть не смутившись, спокойно стоял, глядя министру прямо в глаза.

– Но я слугитель Бога, – промолвил он, – я дал обет нести правду Божью в мир, и если нужно сделаться мучеником во имя ее, то да будет так.

– Мучеником – рассмеялся Гойм. – Много чести! Тебе дадут пинка и, оплевав, выгонят из города.

– И уйду, – ответил Шрамм, – но, пока я здесь, уст моих никому не закрыть.

– Ну и будешь проповедовать глухим, – язвительно добавил, пожимая плечами, министр. – Впрочем, довольно, делай что хочешь, помочь тебе я не могу, да и не хочу, мне бы сейчас впору себя отстоять. Я тебя предупреждал, Шрамм, надо уметь молчать, уметь подольститься, иначе тебя затопчут в грязь. Такое уж время настало, ничего не поделаешь: содом и гоморра. Прощай, у меня нет больше времени.

Шрамм молча поклонился, взглянув с сожалением на жену Гойма, с немым изумлением на него самого, и направился к двери.

– Ладно, жаль мне тебя, – проворчал Гойм, – ступай, я сделаю что могу, но смотри, заройся в Библию и держи язык за зубами, в последний раз тебе это советую.

Шрамм, уже не слушая его, вышел. Супруги остались одни. Гойм так и не поздоровался с женой, они давно уже были не в ладах. Не зная, очевидно, с чего начать, он стоял растерянный, злой и теребил концы своего парика.

– Граф, зачем вы так внезапно велели мне приехать сюда? – надменно, с укором спросила Анна.

– Зачем? – вскричал, подняв глаза к ней, Гойм и забегал взад и вперед по кабинету как безумный. – Зачем? Потому что я сошел с ума, потому что эти негодяи напоили меня, и я не знал, что делаю, потому что я идиот, несчастный и сумасшедший, да! Сумасшедший! – повторил он.

– Значит, я могу ехать обратно? – спросила Анна.

– Из ада назад не возвращаются, – захохотал Гойм, – а ты, сударыня, по моей милости в ад попала: ведь здесь сущий ад!

Он разорвал на груди душивший его жилет и грохнулся на стул.

– И впрямь рехнуться можно, но с королем воевать не станешь.

– Король? При чем тут король?

– Король! Фюрстенберг! Все! Все! Даже Вицтум и, кто знает, может, даже сестра моя родная, все сговорились против меня. Проведали, что ты, сударыня, красавица, а я дурень, и велели мне показать жену.

– Кто же им рассказал обо мне? – спросила, все еще сохраняя спокойствие, Анна.

Не в силах признаться, что сам он во всем виноват и теперь его ждет расплата, министр заскрежетал зубами, затопал ногами и вскочил со стула. Но вдруг раздражение его как рукой сняло, он побледнел, стал холодным, язвительным.

– Довольно, – заговорил он, понижая голос, – обсудим все хладнокровно. Чему быть, того не миновать. Я вызвал вас потому, что меня заставили это сделать, король так захотел, а Юпитер, как известно, поражает тех, кто дерзает его ослушаться. Удовольствия для короля – превыше всего, королевскими стопами попирает он чужие сокровища и бросает их в навозную кучу, и тут, как от смерти, нет спасенья.

Гойм понизил голос и умолк, словно ожидая возражений.

– Я побился об заклад с графом Фюрстенбергом, что ты, жена моя, красивей всех здешних красавиц, которые пользуются влиянием при дворе. Ну не дурень ли я? Скажи мне это в глаза, разрешаю. Пресветлейший государь сам вызвался быть нашим судьей. Я выиграю тысячу дукатов.

Анна сдвинула брови, отпрянула от Гойма, с величайшим презрением глядя на него.

– Какое вы ничтожество, граф, – вскрикнула она в гневе. – Как? Вы держали меня, словно невольницу, взаперти, отказывая даже в воздухе и свете, а теперь выводите, как комедиантку на сцену, чтобы я выиграла вам пари блеском глаз и улыбками. Какая беспримерная подлость!

– Не щади меня, не скупись на выражения, говори, что хочешь, – промолвил с горестью Гойм, – я стою этого, заслужил. Самой тяжелой кары мало, чтобы наказать меня. Я обладал чудеснейшим в мире созданием, оно цвело и улыбалось только для меня, я был горд и счастлив, но дьявол попутал меня, потопил мой разум в вине.

Гойм заломил руки. Анна молча смотрела на него.

– Я еду домой, – заявила она, – здесь я не останусь, мне было бы стыдно самой себя. Лошадей, карету!

Она бросилась к дверям. Гойм стоял, горько усмехаясь.

– Лошадей! Карету! – повторил он. – Ты не понимаешь, верно, где находишься, в каком окружении. Ты – невольница и не можешь ни шагу ступить отсюда,

вероятно, даже у дверей дома стоит сейчас стража. Вздумаешь бежать, драгуны схватят тебя и вернут силой; никто не осмелится отвезти тебя обратно, никто не дерзнет прийти тебе на помощь. Ты и понятия не имеешь, куда попала.

Графиня заломила в отчаянии руки, Гойм смотрел на нее с каким-то смешанным чувством; ревность была в его взгляде и жалость, боль, издевка и беспокойство.

– Выслушайте меня, – сказал он, слегка коснувшись ее руки, – быть может, все еще не так страшно. Будем хладнокровны и рассудительны. Гибнут те, кто хочет погибнуть. Вы же, если захотите, можете казаться не столь красивой, можете сделаться неприятной, суровой, отталкивающей, можете, чтобы спасти себя и меня, даже стать отвратительной.

Гойм понизил голос.

– А знаешь ли ты, сударыня, нашего всемилостивейшего повелителя короля Августа? – спросил он со странной усмешкой. – Это самый благородный, самый щедрый государь, он сорит золотом, которое я, акцизный, выжимаю из заплесневелого хлеба бедняков. Нет ему равного по великодушию и по тому, как неутомимо жаждет он дорогих и диковинных развлечений. Ему ничего не стоит сломать подкову и сломать женщину, а потом швырнуть их оземь; ничего не стоит сегодня заключить в Кёнигштейн канцлеров, которых только вчера он обнимал. Добрый и милостивый государь, он улыбается тебе до последней минуты, чтобы усладить твою участь перед эшафотом. Он человек сердобольный, но не дай бог ему воспротивиться.

Гойм говорил все тише, тревожно поводя вокруг глазами.

– Знаешь ли ты нашего государя? О, это очень любопытно, – продолжал министр шепотом, – он любит женщин все новых и новых, как тот дракон в сказке, пожиравший девушек, которых перепуганные жители доставляли ему в пещеру. Кто перечтет его жертвы? Ты, может быть, слышала их имена, но, кроме тех, что всем известны, втрое больше давно забытых. У короля странные вкусы и наклонности, день-другой он влюблен в шелка и атлас, но, когда они приедаются ему, он не прочь поохотиться и за лохмотьями. Люди знают трех побочных королей, я могу насчитать их двадцать. Кенигсмарк еще красива, Шпигель вовсе не стара, а княгиня Тешен пока в милости, но все они надоели ему. Он ищет, кем бы еще поживиться! Хороший государь! Милосердный

государь, – продолжал Гойм, смеясь, – ведь надо же ему поразвлечься, для того он и на свет родился, чтобы все было к его услугам; красив, как Аполлон, силен, как Геркулес, сладострастен, как Сатир, и грозен, как Юпитер.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – возмутилась Анна. – Неужели ты считаешь, что я так низко пала, что по первому кивку государя могу сойти со стези добродетели? Плохо же ты меня знаешь! Это оскорбление!

Гойм посмотрел на нее с состраданием.

– Я знаю мою Анну, – возразил он с усмешкой, – но я знаю двор, знаю монарха и знаю силу соблазна. Если бы ты любила меня, я был бы спокойней.

– Я дала клятву в верности, этого достаточно, – гордо произнесла женщина, – ты не завоевал моего сердца, но у тебя есть мое слово. А слово крепче, чем сердце, ибо сердцу своему я не хозяйка, а слову – королева. Такие, как я, не нарушают клятвы.

– Нарушают, соблазнившись блеском короны, – сказал Гойм, – княгиня Тешен знатная и гордая дама.

Анна презрительно повела плечами.

– Я могу быть женой, но никогда не буду любовницей, – воскликнула она. – Позором я себя не покрою.

– Позор жжет лишь мгновение, – сказал Гойм, – а потом рана затягивается и не болит, только клеймо остается навеки.

– Ты мне противен, – прервала его в раздражении Анна. – Сам сюда вызвал, а теперь пугаешь.

Волнение мешало ей говорить. Гойм со смиренным видом подошел к ней.

– Прости меня, – сказал он, – я потерял голову, не знаю, что делаю и что говорю, может, домыслы мои и опасения нелепы. Завтра во дворце бал. Король приказал, чтобы ты непременно была там, тебя представят королеве. Мне

кажется, – продолжал он тихо, опустив глаза, – ты при желании все можешь, даже не быть красивой. Я охотно проиграю пари. Тебе не трудно притвориться жалкой, неуклюжей. Для короля очень много значит изящество, остроумие, живость, что тебе стоит показать себя несообразительной, неловкой, косноязычной, рассеянной, тупой? Черты лица – это еще не все. В Дрездене много красивых кухарок. Август тонкий ценитель, требовательный. Ты понимаешь меня, сударыня?

Анна отвернулась от него с глубоким презрением.

– Ах, вот как, вы приказываете мне разыграть комедию, чтобы спасти вашу честь, которую вы поставили на карту за тысячу дукатов! – воскликнула Анна, иронически улыбаясь. – Но я терпеть не могу криводушия. Вашей чести ничто не угрожает. Анна Констанция Брокдорф не из тех женщин, что могут польститься на королевское благоволение и дать себя унижить за горсть бриллиантов. Вам нечего бояться, можете быть спокойны. Мне жаль вас! На этом балу меня не будет.

Гойм стоял оцепенелый, бледный.

– Вы должны быть на балу, – выдавил он, – это не пустые страхи, дело идет о моей жизни и карьере, о всей моей будущности. Король приказал...

– А я не хочу! – возразила Анна.

– Ослушаться короля?

– А почему бы и нет, он властен над всем, чем угодно, но не над домом и семьей, здесь Бог – господин. Что сделает мне король?

– О, тебе ничего, – сказал с волнением министр, – он слишком любезен с красивыми женщинами, но я отправлюсь в Кёнигштейн, наше состояние конфискуют, растащат фавориты. Разорение, смерть!

Гойм закрыл руками лицо.

– Вы не знаете короля, – зашептал он еле слышно, – он улыбается и сияет, как Аполлон, но беспощаден, как Зевс. И никогда не простит того, кто посмел усомниться в его всемогуществе. Или ты будешь на этом балу, или я погиб.

– Вы полагаете, граф Гойм, – возразила Анна, – что угрожающая вам гибель так уж тревожит меня?

Она пожала плечами и снова отошла к окну.

Гойм, бледный, последовал за ней.

– Ради бога, заклинаю вас, не противьтесь воле короля!

Тут громко постучали, на пороге появился слуга. Министр нахмурил брови, приняв строгий вид.

– Графиня Рейс и графиня Вицтум!

Гойм, разгневанный, поспешил к двери. Он хотел отказать им через слугу, но тут же за его спиной увидел красивое, жизнерадостное, аристократическое лицо графини, а за ней сверлящие глаза сестры.

Увы, визит этих двух дам означал, что в городе известно о вчерашнем происшествии и о приезде Анны и что совершенная им, Гоймом, ошибка, которой он не мог себе простить, уже сделала его всеобщим посмешищем. В ином случае графине Рейс не пришлось бы в голову посетить холостяцкий дом министра.

Гойм в сильном замешательстве знаком отослал слугу, и величественная фигура графини в черном платье, отделанном кружевами, предстала перед ним на пороге. Графиня Рейс, белолицая, свежая, румяная, с несколько пышными, но весьма привлекательными формами, с очаровательной улыбкой на розовых губах, никак не могла внушать страха, но бледный Гойм, увидев ее, побледнел еще больше; он растерялся, словно в предчувствии беды.

Сестра его, графиня Вицтум, сразу заметила замешательство брата, но виду не подавала. На лицах обеих женщин как ни в чем не бывало засияли приветливые улыбки.

– Гойм, я должна бы рассердиться на тебя, – начала приятным, мелодичным голосом графиня Рейс, – возможно ли это? Жена твоя приезжает в столицу, а я узнаю об этом случайно от Гюльхен.

– Как! – воскликнул министр, с трудом скрывая досаду. – И Гюльхен уже знает об этом?

– Еще бы, – сказала, входя в комнату, Рейс, – и она, и весь город знает, все только о том и говорят, что ты наконец поумнел и твоя бедная жена не будет больше увядать взаперти.

Графиня подошла к Анне, разглядывая ее, как барышник породистую лошадь на рынке.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая графиня? – спросила гостя, протягивая обе руки. – Я так рада, что могу приветствовать тебя там, где тебе быть надлежит. Я первая пришла к тебе, но, поверь, не пустое любопытство привело меня, а желание быть полезной. Завтра тебе надо быть на балу у королевы, прелестная наша отшельница, а ты только что приехала, не знаешь Дрездена, уж разреши нам позаботиться о тебе. Бедная наша испуганная пташка!

Во время этой речи та, кого графиня назвала испуганной пташкой, стояла, гордо выпрямившись и ничуть не волнуясь, с сознанием своей силы, будто властвовала здесь давно.

– Благодарю вас, графиня, – ответила Анна спокойно, – да, муж сказал мне, что я должна быть на балу. Но разве это так необходимо? Разве я не имею права сказать себя больной, хотя бы от потрясения, что на мою долю выпало такое необыкновенное счастье.

– Я бы не советовала прибегать к такой отговорке, – возразила графиня Рейс. – Никто, взглянув на вас, не поверит вашей болезни, вы выглядите, как Юнона, пышущая здоровьем и силой; никто не поверит, что вы оробели, ибо вы не из пугливых.

Гойм, подав графине руку, повел ее в мрачный аудиенц-зал. Золовка, пользуясь тем, что брат прошел немного вперед, взяла Анну под руку и зашептала ей на ухо:

– Милая Анна, не беспокойся и не упрекай себя. Ты вырвешься наконец из неволи, увидишь двор, короля, блеск, великолепие, равного которому нет во всей Европе. Я всегда за тебя страдала и теперь рада, что могу первая приветствовать тебя. Не сомневаюсь, тебя ждет самая счастливая участь.

– Я так привыкла к уединению и покою, – тихо произнесла Анна, – что мне ничего другого не надо.

– Мой брат, – добавила Вицтум, – лопнет от ревности! И она захохотала.

Три дамы в сопровождении обескураженного министра стояли посередине зала, когда слуга вызвал Гойма. Дверь кабинета затворилась за ним. Графиня Рейс села первая и, склонившись к прелестной хозяйке, зашептала:

– Дорогая моя, я счастлива поздравить вас с началом новой жизни. Поверьте, я могу вам пригодиться. Гойм, сам того не желая, проложил вам широкую дорогу. Вы же прекрасны, как ангел!

Анна, помолчав, сказала холодно:

– Вы ошибаетесь, если думаете, что я честолюбива, дорогая графиня. Я слишком долго жила в уединении и праздности, много думала о себе и о свете. И теперь хочу одного: поскорей вернуться к моей тихой жизни и к Библии.

Графиня Рейс засмеялась.

– Скоро все изменится, – промолвила она, подлаживаясь к хозяйке, – а сейчас надо подумать о вашем завтрашнем туалете. Дорогая Вицтум, давайте устроим генеральный совет, надо решить, как одеть Анну, а то она может пренебречь этим. А тебе ведь надо поддержать честь дома твоего брата.

– Анна затмит всех придворных красавиц, как бы она ни оделась, – возразила графиня Вицтум. – Тешен не под силу состязаться с ней, она уже поблекла. Мне кажется, чем скромнее будет туалет Анны, тем больше он будет ей к лицу, пусть другие прибегают к румянам, белилам и мушкам. Анне подойдет обычный девичий наряд.

Разговор о нарядах стал оживленным, женщины перебивали друг друга, горячились, спорили. Анна вначале молчала, лишь с удивлением и даже с некоторой опаской слушала обеих приятельниц, проявлявших, как ей казалось, слишком большую заботу о ней. Но вскоре и она, как всякая женщина, поддавалась магнетическому действию подобных разговоров, вставила несколько слов, и болтовня, прерываемая смехом, стала еще жарче и веселей.

Графиня Рейс внимательно прислушивалась к каждому слову Анны Гойм, поглядывала на нее украдкой с каким-то непонятным беспокойством и забрасывала вопросами, надеясь, по-видимому, услышать в ответах какой-то скрытый смысл. У Анны прошло утреннее напряжение, и она стала, как свойственно ее возрасту, острить, смеяться и сыпать словечками, искрящимися, как бриллианты. Откровенно, с подкупающей прямоотой говорила она о себе, о своих ощущениях и предчувствиях. Графиня Рейс подбадривала ее. Удивительная живость ума Анны, сохранившего в покое и тишине свою девственную прелесть, приводила графиню Рейс в такое восхищение, что она несколько раз порывалась кинуться Анне на шею.

– Наша прелестная Анна! Несравненная, очаровательная! – восклицала графиня. – Завтра вечером весь двор будет у ваших ног. Гойм может заранее приготовить для себя пистолеты. Тешен заболеет и по своему обыкновению упадет в обморок, ведь это ее излюбленный прием.

Графиня Вицтум засмеялась. Графиня Рейс рассказала между прочим Анне, как княгиня Любомирская завоевала сердце короля. Увидев, что король упал с лошади, она потеряла сознание. Август от сильного ушиба тоже лишился чувств. Пробуждение было сладостным. Когда Тешен открыла глаза, король стоял перед ней на коленях.

– Увы, – добавила Рейс, – упади она сейчас в обморок, король скорее испугается, чем восхитится. Первый пыл угас. На Лейпцигской ярмарке его величество волочился напропалую за французскими актерками. Хуже того, он, говорят, безумно влюбился в княгиню Ангальт-Дессау, но встречен был с суровой холодностью. Король говорил недавно Фюрстенбергу, что сердце его свободно и что он готов принести его в дар какой-нибудь красавице.

– Надеюсь, – сказала несколько задетая Анна, – что вы не заподозрите меня, дорогая графиня, в том, что я уподоблюсь французским актрисам, раз даже княгини не всегда отказываются от подобной чести. Королевское сердце не

такой уж завидный дар, а мое сердце стоит большего, чем объедки после княгини Тешен.

Лицо графини Рейс покрылось густым румянцем.

– Тише, тише, какой вы ребенок, – сказала она, оглядываясь, – никто ничего такого не говорит. Просто болтаем о том о сем, но вы должны быть ко всему готовы. Мы с графиней Вицтум пришлем вам наших купцов и портных, а если вы не захватили своих бриллиантов или у вас их мало, Мейер даст вам под залог, какие вы только захотите, ни у кого при дворе таких не будет, и сохранит это в строгом секрете. Он человек услужливый и учтивый.

Обе гостьи поднялись и стали обнимать Анну, та молча проводила их до дверей. Гойм больше не появлялся, кабинет был полон акцизных.

Внизу у подъезда стояла карета графини Рейс, обе дамы сели в нее. Некоторое время они ехали молча, погружившись в раздумье. Вицтум первая прервала молчание.

– Что ты обо всем этом думаешь? – прошептала она.

– Дело решенное, – тоже шепотом ответила ей Рейс. – Гойм может с сегодняшнего дня считать себя вдовцом. Анна горда. Она долго будет противиться своему счастью, но короля ничто так не подзадоривает, как упорство, которое надо сломить. Анна прекрасна, как ангел, смела, остроумна, своенравна. Качества эти не только притягивают, но и привязывают. Дорогая моя, надо сдружиться с ней сейчас же, пока она еще не взяла в руки бразды правления, потом будет поздно. Давай помогать друг другу, согласна? Через нее мы будем влиять на короля, на министров, на все. Тешен погибла, что меня бесконечно радует: с этой скучной сентиментальной княгиней я никогда не могла бы сойтись. Впрочем, с нее довольно того, что у нее есть: сын признан, княжество пожаловано, богатство огромное, да и царствовала она слишком долго. Тешен сходит со сцены, король скучает, и именно теперь, когда он так несчастен, надо его развлечь и утешить. Фюрстенбергу с нашей помощью удастся в конце концов свергнуть Тешен. Довольно с нас этой чужеземки. Но интригу нужно вести умно, тонко, не спеша, Анну штурмом не возьмешь, слишком она гордая.

– Бедный Гойм, – засмеялась Вицтум, – если у нее хватит ума...

– Он только выгадает на этом, старый развратник уже давно не любит Анну, – прервала ее графиня Рейс, – хоть ты и сестра его, я могу говорить с тобой откровенно. Впрочем, он сам себе яму вырыл.

– Я виню больше Фюрстенберга.

Рейс окинула графиню Вицтум мимолетным взглядом, и в глазах ее промелькнуло что-то похожее на едкую насмешку; она пожала плечами.

– О, есть люди, судьба которых предрешена заранее, – заметила она с иронией и вдруг чисто по-женски громко рассмеялась. – А знаешь, – сказала она, – на Анне должно быть оранжевое платье и кораллы. Волосы у нее вьющиеся, кожа девственно белая, это будет ей очень к лицу. Ты заметила, сколько огня в ее глазах?

– И, увы, сколько гордости! – добавила Вицтум.

– Ничего! Пусть только увидит короля; ручаюсь, если он захочет ей понравиться, – заметила графиня Рейс, – она потеряет и голову и гордость.

IV

На Пирнайской улице, в те времена одной из красивейших улиц маленького, обнесенного стенами, тесного Дрездена, стоял дворец Бейхлинга, бывшего канцлера, ныне государственного преступника, содержащегося в Кёнигштейне. Княгиня Любомирская, в девичестве Бокун, дочь литовского стольника, разведенная с мужем фаворитка короля, ставшая княгиней Тешен после рождения сына – знаменитого впоследствии кавалера де Сакс, получила в награду, – очевидно, за то, что способствовала низвержению Бейхлинга, чье огромное наследство расхитили придворные, – его дворец, где и устроила свою роскошную резиденцию. Отдыхала она обычно в дарованных ей поместьях Хойерсверда или в своих имениях в Лужицах, развлекалась разведением садов во Фридрихштадте, а остальное время жила во дворце на Пирнайской улице.

Годы пылкой любви и рыцарского поклонения, когда красавец король не мог дня прожить без дорогой Урсулы, когда прелестная княгиня выезжала верхом на свидание к своему коронованному возлюбленному в светло-зеленой амазонке в сиянии своих двадцати лет, – те счастливые годы, прожитые в Варшаве, проведенные в путешествиях по Германии, на пышных дрезденских и лейпцигских балах, ушли, казалось, безвозвратно.

Это стало ясно после маскарада в Лейпциге, когда жестокосердная прусская королева Софья Каролина, желая обуздать волокитство Августа, воспылавшего страстью к состоявшей в ее свите княгине Ангальт-Дессау, заставила предстать пред глазами ветреного донжуана сразу всех трех его отставных фавориток: Аврору Кенигсмарк, графиню Эстерле и Гаугвиц, чтобы короля, а вместе с ним и княгиню Тешен-Любомирскую поставить в неловкое положение и устыдить. С тех пор, вопреки пылким заверениям Августа в неизменной привязанности, княгиня Тешен, словно над ней нависло грозное *memento mori*[5 - Помни о смерти (лат.)], не могла отделаться от мысли, что она будет, как и все другие, обманута непостоянным, пресыщенным Августинком (Августинок – так фамильярно называли его королевскую милость, связывая с ним популярную песенку *Mein lieber Augustin*)[6 - Мой милый Августин (нем.)]. Король, несмотря на бесчисленные тайные интрижки, сохранял еще видимость горячей привязанности к княгине Тешен. Урсула имела власть над ним. Ее белые ручки ловко держали его на золотом поводке, но в душе она чувствовала, что каждую минуту может потерять его навсегда.

Зеркало говорило, что черты ее лица не утратили былого обаяния, осталась еще и свежесть, о сохранении которой Тешен неустанно заботилась, но красота ее и блеск потеряли уже прелесть новизны для короля, который легко пресыщался и непрерывно искал новых развлечений. Он любил беседовать с прекрасной княгиней, ему нравилось ее умение лавировать при дворе, проводя свою политику под личиной женского легкомыслия, ее лукавое лицемерие, страсть к запутанным интригам, из которых она умела извлечь выгоду. Август еще бывал у княгини по несколько часов в день, но спроси ее сейчас королева, когда она намерена покинуть Дрезден, она не решилась бы, как прежде, дерзко ответить, что с королем она приехала, с ним и уедет. Грусть застилала ее прекрасные, полные слез голубые глаза, светившиеся притворной кротостью, ибо на самом деле характер у княгини был твердый и решительный. С каждым днем тревога все сильнее овладевала Урсулой – вдруг ей прикажут покинуть Дрезден, расстаться навеки с королем.

Внешне ничто не изменилось, княгине Тешен ни в чем не было отказа, ее чтили еще как повелительницу двора, но в глазах придворных она видела свое близкое крушение, ловила язвительные ухмылки и косые злобные взгляды.

Было время, когда Урсула любила короля, любила горячо и надеялась, что ради нее он остепенится и она, возможно, станет когда-нибудь королевой. Иллюзии эти развеялись, как дым. Удел всех фавориток станет и ее уделом. Разочарованная, охладевшая, она, чтобы понравиться королю, еще обретала прежнюю веселость и кокетство, но потом, запершись дома, плакала украдкой, вынашивая заранее мысль об отмщении. Чаще писала она теперь письма примасу Польши Радзеевскому. Король знал, как невыгодно ему восстанавливать против себя племянницу первого сановника Речи Посполитой, и всячески старался уверить княгиню в неизменности своих чувств. Между тем за княгиней усиленно следили. Король, не заслужив еще мести, уже боялся ее.

Любовь Августа уступила место почтительной вежливости, от нее веяло холодом. Княгиня Тешен при дворе была второй после королевы, но в сердце Августа ей было отведено такое же место, как королеве, – Август стал равнодушен к ней.

Мечты о Колоандеровой любви[7 - Колоандер – герой популярной, в то время переведенной с итальянского авантюрно-любовной повести «Колоандер, свято хранящий верность Леониде».] пронеслись, как весенние тучи, осталась только оскорбленная гордость.

Когда дочь литовского стольника покидала родную землю, она мечтала о троне; мечты развеялись прахом, остался стыд от того, что расчет ее оказался ложным, и позорное положение женщины без мужа, без дома, получившей в уплату за миг безумия богатые дары, титулы, землю и золото. Миг торжества был кратким, позор – бесконечным.

Разве могла она вернуться в Польшу?

Бедная женщина каждую минуту ждала, что она будет покинута и свергнута с высокого, но уже шаткого пьедестала.

Когда ей приводили по несколько раз на дню ее мальчика, признанного сына короля, она, сжав его в объятиях, лила тайком горькие слезы. Княгиня Тешен

чувствовала себя несчастной еще до того, как ее постигло несчастье. У ее ребенка была обеспеченная будущность, у нее – никакой.

Во дворце на Пирнайской улице ежедневно собирались еще по старой привычке толпы придворных красавиц, любезных кавалеров. Этим последним король не только не возбранял, но даже облегчал доступ во дворец. Кто знает, может, он был бы и рад, если б кто-нибудь из них завоевал сердце, уже начинавшее тяготить его своей утомительной привязанностью.

Августа Сильного, не пролившего в жизни ни единой слезинки, раздражала плаксивость княгини, встречавшей его со слезами на глазах, ему хотелось рассеяться, а он слышал бесконечные упреки.

С виду княгиня была еще в милости, и у нее были, неизвестно насколько искренние, друзья и соглядатаи; поэтому она знала о каждом шаге короля, о каждой его улыбке, слове, она ревниво следила за ним. О ночной попойке, когда у Гойма вырвали признание, что у него красивая жена, заставили побиться об заклад, а потом послали за прекрасной Анной, княгиня Тешен получила самый точный и подробный отчет. Встревоженная Урсула лихорадочно ходила взад и вперед по комнате, раздумывая, ехать ли ей или не ехать на бал к королеве, принять вызов или не поднимать дерзко брошенной перчатки.

Не было еще одиннадцати часов, когда княгине доложили, что жена Гойма прибыла. Впрочем, никто ее не знал, не видел и описать не мог. Все сходились на том, что она, по всей вероятности, красива, знали, что она родилась в тысяча шестьсот восьмидесятом году – была ровесницей Любомирской, но какого рода ее красота и насколько она опасна, этого никто не знал.

По столице ходили самые разнообразные слухи. Безжалостный Киан сказал:

– Не все ли равно, какая она, лишь бы на предыдущую не была похожа.

Княгиня думала так же: не в красоте дело, а в новизне ощущений.

В тот день утренний прием у княгини был скромнее, чем обычно, все бегали по городу, разнося новости или охотясь за ними.

Говорили, что король и на сей раз, как всегда, когда хотел, чтобы празднество было пышным и блестящим, сам тщательно просмотрел программу и с нетерпением ждал, чем кончится спор Гойма с Фюрстенбергом. Говорили также, что Гюльхен и графиня Рейс плетут с большим рвением интриги, стараясь завлечь Анну Гойм в свои сети и заручиться ее расположением.

Графиня Вицтум заявила во всеуслышание, что ее невестка затмит всех красотой.

Урсула посылала в город, выслушивала новости от верных ей людей, впадала в отчаяние, плакала. Уже три раза король пытался порвать с ней, но ей удавалось удержать его. Похоже было, что теперь настала решительная минута... Тешен ломала руки, и вдруг странная мысль пришла ей в голову, она посмотрела на часы. Дом Гойма был неподалеку, она шепнула что-то служанке, накинула густую черную вуаль на покрасневшее от слез лицо, неслышно сбежала по лестнице и бросилась к носилкам. Служанка шепнула словечко на ухо носильщикам, и они направились к дому Гойма, но не по улице, а задом, через сады, по узкой и пустынной тропинке, скрытой в листве зеленых еще деревьев.

Незримый садовник отворил калитку сада Гойма, перед соскочившей с носилок княгиней, и она, оглядевшись, побежала прямо вверх к особняку. В прихожей ее ждал молодой человек, он указал ей, куда идти.

По темному коридору, закрывшись так, что ее никто не мог бы узнать, Любомирская добежала до указанных дверей и постучалась.

Ей открыли не сразу. Служанка, приотворившая дверь, чтобы взглянуть, кто пришел, не собиралась впускать ее, но Тешен, сунув ей в руку несколько дукатов, отстранила ее и, осмотревшись, побежала дальше.

Анна Гойм ходила в одиночестве по комнате, приготовленной для нее, когда незнакомая женщина с низко опущенной вуалью остановилась на пороге. Пораженная неожиданным визитом, Анна нахмурилась и отпрянула, еле сдерживая гнев.

Любомирская откинула черную вуаль и с любопытством уставилась на Анну, не произнося ни слова, запыхавшаяся, взволнованная. Губы у нее были сжаты и дрожали, бледность покрыла лицо. Она робко огляделась, ища опоры, и упала

без чувств на стоявший рядом диванчик.

Анна бросилась к ней, кликнула служанку. Они подняли вдвоем потерявшую сознание женщину.

Обморок длился несколько мгновений. Тешен вскочила как безумная, вперила взор в свою соперницу, сделала знак, чтобы служанка вышла.

Они остались одни.

Эта сцена сильно растревожила и без того уже взволнованную Анну. После долгого покоя в деревне начиналась какая-то кутерьма, не дававшая времени даже опомниться.

Любомирская протянула Анне бледную холодную дрожащую руку.

– Прости меня, – сказала она ослабевшим голосом, – я хотела тебя увидеть, предостеречь.

Анна молча, с любопытством разглядывала ее.

– Посмотри на меня, – продолжала Тешен, – ты сегодня начинаешь жизнь, которая для меня кончилась. Я была, как и ты, невинна, счастлива, спокойна, уважаема, я жила в согласии с совестью и Богом. У меня был муж, княжеский титул и самое ценное: незапятнанное имя. Пришел коронованный властитель и одной улыбкой лишил меня всего. Скипетр и корону он положил к моим ногам, отдал мне сердце. Я пошла за ним. А теперь что есть у меня? Чужое имя, разбитое сердце, утраченное счастье, позор на челе, буря в душе, печальная будущность и тревога за участь ребенка. У меня нет никого на свете. Родные отвернутся от меня, те, кто пресмыкался у ног моих, завтра не захотят меня знать. Он? Он оттолкнет, как чужую.

Анна слушала и краснела.

– Сударыня, – сказала она взволнованно, – почему вы считаете, что мне грозит опасность? Я вас не понимаю. Кто вы такая?

– Вчера я была королевой, а сегодня сама не знаю кто, – ответила Тешен.

– Но я не желаю никакой короны, корона давит виски, – вскричала Анна. – Почему я должна выслушивать угрозы?

– Предостережения, – прервала ее Любомирская, – прости меня, но корона пристанет тебе, люди заранее тебе пророчат, а я хочу, чтобы ты знала: под золотым венцом короны другой венец – терновый.

– Вы ошибаетесь, – спокойно промолвила Анна. – В таком случае корона не прельщает меня. Или она будет на мне до гробовой доски, или гордость никогда не позволит мне прикоснуться к ней. Успокойтесь.

Тешен упала на диван, опустила голову и зарыдала. Ее слезы тронули Анну, она подошла к княгине, с любопытством и участием глядя на нее.

– Все, что происходит здесь со мною с самого утра, непостижимо, – тихо сказала Анна, – я бы хотела как можно скорее отсюда вырваться. Кто вы?

– Тешен, – еле слышно ответила княгиня, поднимая глаза, – ты, верно, слышала обо мне, так догадайся же, зачем тебя привезли сюда... Соскучившемуся государю нужна новая женщина.

– Подлецы! – с возмущением воскликнула Анна. – Распоряжаются нами, как невольницами, а мы...

– Мы их жертвы.

– Нет! Я не буду, не хочу быть жертвой, – прервала ее Анна, – успокойтесь, сударыня, я слишком горда, лучше нужду терпеть, чем унижение.

Княгиня Тешен посмотрела на нее долгим взглядом и вздохнула.

– Не ты, так другая, мой час пробил, но заклинаю тебя, если у тебя хватит сил, отомсти за нас всех, оттолкни его, облей презрением. Ведь это вопиет о мщении к Богу.

Тешен опустила вуаль на лицо и молча протянула Анне руку:

- Ты предупреждена, защищайся...

Она быстрым шагом направилась к двери, а Анна застыла на месте, не в состоянии вымолвить ни слова.

На лестнице Тешен ждал тот, кто привел ее сюда. Подбежав к носилкам, она опустила было занавеску, но вдруг увидела молодого офицера, с тревогой глядевшего на нее.

Его красивое, благородное лицо, мужественное и энергичное, побледнело, исказилось негодованием и болью. Он, казалось, не верил своим глазам... Несмотря на присутствие двух носильщиков, собравшихся уже поднять с земли носилки, он не выдержал и подбежал к ним.

- Княгиня! - вскричал он в волнении. - Что я вижу? Как, вы тайком отправляетесь на свидание? Скажите всю правду, заклинаю вас, и я тотчас вскочу на коня, чтобы более сюда не возвратиться. Я с ума схожу от любви к вам, а вы... - Он закрыл руками лицо.

- Вы действительно сошли с ума! - с запальчивостью прервала его княгиня. - И не только сошли с ума, но и ослепли - или вы не видите, что я выхожу из дома Гойма? Надеюсь, вы не подозреваете, что я влюбилась в него? - Княгиня схватила офицера за руку. - Идите рядом, следуйте за мной, я не отпущу вас, пока не объясню все. О, если и вы в такую минуту покинете меня, обвинив в чем-то, это будет уже слишком! Этого я не перенесу!

Прекрасные, застланные слезами глаза княгини, обращенные к молодому человеку, руку которого она держала в своей руке, говорили так много, что тревога сбежала с его лица, и оно просияло.

Он последовал послушно за носилками до самого дворца, на лестнице подал княгине руку, и они вместе вошли в дом. Усталая и разбитая Урсула, держась за голову, опустилась на диванчик, указав своему спутнику место подле себя.

– Князь, я вне себя от гнева и возмущения, я была у той, которую подлые враги мои привезли сюда, чтобы развлечь короля, а меня изгнать, лишиться влияния. Вы слышали о жене Гойма?

– Нет, не слышал, – ответил молодой князь (это был Людвиг Вюртембергский), – знаю лишь, что над бедным Гоймом подшутили – напоили его, чтобы заставить показать жену.

– Они умело разжигают любопытство короля и плетут интригу, – продолжала княгиня со все возрастающим возбуждением. – Я видела ее, она очень красива, опасна, через два дня она может стать королевой.

– Тем лучше, тем лучше, – воскликнул, вскочив с места, князь Людвиг. – Вы будете свободны.

Тешен бросила на него выразительный взгляд, молодой человек вспыхнул, наступило молчание. Она протянула ему руку, он схватил ее и стал с жаром целовать. Тут из соседней комнаты, хлопая в ладоши и язвительно смеясь, вошла маленькая женщина, немного похожая на княгиню, хотя далеко не такая привлекательная.

Возраст ее определить было трудно: ей могло быть и немного более двадцати, и все тридцать. Видно, молодостью и свежестью она никогда не отличалась, но и не старилась. Лицо ее было из тех, что кажутся старыми в юности, а в старости молодыми. Ее серые глазки, злые, пронзительные, так и шныряли повсюду, с губ не сходила ехидная ухмылка, все в ней говорило, что она несносная интриганка и неугомонная сплетница. Ее пестрый туалет был тщательно обдуман, чтобы подчеркнуть то, что у нее было красиво: стройную, перетянутую в талии, фигурку, маленькую ножку и гибкий стан. Она резво завертелась на каблучках и захлопала в ладоши, когда смущенный князь Вюртемберг оторвал губы от руки Тешен.

– Bravi! Bravissimi![8 - Bravo! Брависсимо! (ит.)] Я вам не помешаю, – громко воскликнула баронесса Глазенапп, – nous sommes en famille[9 - Мы среди своих (фр.)], не смущайтесь. Сестрица вовремя обеспечила себе ретирад военным прикрытием, ведь... ведь... кажется, приближается минута, когда ей придется ретироваться и покинуть двор! Хороший военачальник всегда обеспечивает себе путь к отступлению.

Эта маленькая бойкая женщина, которую терпеть не могли при дворе, сеявшая сплетни, чтобы всех перессорить, была дочерью литовского стольника, родной сестрой Любомирской и женой (в то время) барона Глазенаппа, впрочем, брак этот был скорее фикцией, так как она была в связи со знаменитым Шуленбургом. При дворе Августа II обычно интересовались не тем, кто муж, а кто возлюбленный.

– А мы с тобой давно не виделись, дорогая сестрица, – затараторила она, – в трудную минуту я всегда рядом. Тешен, ты слышала, наверно, – продолжала она, злорадно посмеиваясь, – привезли жену Гойма. Я ее видела однажды в Дрездене, еще до приезда короля, и тогда еще предсказала, что она, как Елена Троянская, принесет кому-нибудь несчастье. Она прекрасна, как ангел, брюнетка, что для таких, как ты, блондинок, очень опасно; находчива, остроумна, злая... гордая и держится, как королева! Вашему царству пришел конец! – Она громко засмеялась. – Но тебе страшно везет на княжеские титулы, – не умолкала баронесса, не давая никому вставить слово. – Мне вот с трудом удалось поймать захудалого поморского барона, а у тебя был Любомирский, теперь ты Тешен и готовишь себе про запас Вюртембергского.

Молодой человек стоял красный и злой. Тешен опустила глаза, но тихонько сквозь зубы прошептала:

– Могу заполучить и четвертого, если захочу.

– Я даже могу шепнуть тебе на ушко его имя, – прервала ее баронесса. Вскочив, она подбежала к сестре и, приложив трубочкой руки к губам, сказала ей на ухо:

– Князь Александр Собеский, не правда ли? Но тот не женится, а Людвиг готов, постарайся удержать его.

Княгиня Тешен с негодованием отвернулась от сестры, а та вертелась по комнате, бегая от зеркала к зеркалу и исподтишка наблюдая за Тешен и князем.

– Если у тебя хватит ума, – сказала баронесса, – ты можешь еще выйти победительницей. Жена Гойма – женщина недалекая, она оттолкнет от себя короля. Ее красота, быть может, прельстит его, но своим высокомерием она отпугнет его. После нее ты опять покажешься ему милой и доброй. Ничего не попишешь! Королям надо прощать их прихоти. У них и забот больше, чем у

простых смертных, и привилегий должно быть больше. Досадно только, – болтала она, не умолкая, – что ты уже у всех на языке; графиня Рейс и уважаемая Гюльхен уже поклоняются новому божеству, Фюрстенберг и даже Вицтум, зять Гойма, не прочь приставить ему золотые рога. Бедный Гойм! Если жена бросит его, я, право, кабы не некоторые обстоятельства, вышла бы за него, чтобы облегчить ему утрату. Но этот старый развратник вряд ли кого-либо захочет.

Тут князь Людвиг прервал нескончаемую болтовню баронессы и попрощался с Урсулой. Та ответила ему пожатием руки, не ускользнувшем от зорких глаз баронессы, которая кивнула князю издали.

Оставшись одни, сестры немного помолчали.

– Не надо все воспринимать так трагически, – заговорила баронесса, пожимая плечами, – это можно было предвидеть давно. Королю наскучила блондинка. У тебя есть титул, Хойерсверд, миллионы, бриллианты, дворец Бейхлинга, сын твой обеспечен, ты еще красива и достаточно молода, и князь Людвиг готов на тебе жениться. Признаюсь, я бы еще поменялась с тобой, отдав в придачу Шуленбурга.

– Я любила его, – прервала сестру Тешен, обливаясь слезами.

– О! Все в прошлом! – возразила ей баронесса Глазенапп. – Вы любили друг друга, по крайней мере, с полгода, и за это время он тебе изменил тайком раз десять, а ты ему сколько? Ты ведь ему изменяла, ручаюсь!

– Сестра! – воскликнула с возмущением Тешен.

– Ну хорошо, ни разу! А как же ты умудрилась, так беззаветно любя короля, держать про запас Вюртемберга? Ведь вот теперь, когда он тебе понадобился, – он к твоим услугам, пожалуйста! Признаюсь, хотя меня считают злой и лицемерной, я бы так не сумела. И Шуленбурга я завела после того лишь, как чуть ли не до драки рассорилась с Глазенаппом. Мне и впрямь не везет, все меня терпеть не могут, впрочем, я всем плачу тем же, даже с лихвой.

Она резко рассмеялась.

– Послушай, Урсула, – сказала она, немного погодя, – короли имеют обыкновение при расставании требовать обратно подаренные бриллианты. Будь благоразумна, спрячь свои драгоценности в безопасном месте.

Она посмотрела на сестру; та, казалось, не слушала ее.

– Ты будешь сегодня на балу? – спросила баронесса.

Слово «бал» вывело Тешен из оцепенения.

– На балу... да! – ответила она в раздумье. – Надо пойти на бал! Я буду вся в черном, в трауре, без всяких украшений, в простом платье, это всех ошеломит; только скажи, Тереня, траур будет мне к лицу?

Глазенапп рассмеялась:

– Безусловно, траур всем к лицу, но только если ты думаешь этим умилить Августа и растрогать придворных, то ошибаешься. Это их скорее рассмешит. Они трагедий не любят. Увидят тебя в трауре, скажут, что тебе пора в могилу, и с легким сердцем похоронят.

– Будь что будет! Пойду в трауре, – повторила Тешен, – встану перед ним, как призрак.

– А так как жена Гойма будет румяной, веселой, свежей, ты и исчезнешь, как призрак, никем не замеченная. Поверь мне. Прошлого не вернуть.

Баронесса посмотрела на часы:

– О! Как поздно! Итак, до бала! Я тоже приду туда, но как зритель, чтобы рукоплескать актерам. Будь здорова!

Дамы входили в сопровождении мужей или родственников. По необыкновенной роскоши нарядов никак нельзя было предположить, что, связанная с Саксонией, Польша разорена войной, что казна вконец опустела. На короле был наряд, весь усыпанный бриллиантами, с огромными алмазными пуговицами, эфес шпаги тоже был усеян алмазами, даже пряжки на башмаках сверкали алмазной росой. Величавый, сияющий, помолодевший, Август выглядел скорее торжествующим победителем, чем побежденным, который вынужден бороться за корону с жестоким врагом.

Туалеты дам тоже сверкали обилием драгоценностей, хотя большинство из них были так красивы, что в украшениях не нуждались. Наконец появилась королева в весьма скромном наряде. Август учтиво поспешил ей навстречу, зазвучали фанфары. Главных действующих лиц еще не было.

Государь уже хмурил чело и бросал на Фюрстенберга взгляды, не предвещавшие ничего хорошего, когда у входных дверей, несмотря на присутствие королевских особ, послышался вдруг приглушенный шум. Люди расступились, все взгляды обратились к дверям. Фюрстенберг зашептал:

– Идут!

И вот в дверях показалось пожелтелое, мрачное лицо графа Гойма, он вел под руку жену.

Никогда, пожалуй, при этом дворе, привыкшем видеть красавиц, не появлялось столь ослепительной женщины.

Графиня Гойм шла среди знатных дам с царственным величием, не ведая страха, спокойная, горделивая и такая обворожительная, что из уст присутствующих вырвался дружный возглас удивления. Король не сводил с нее глаз, но взгляды их не встретились. Полагалось представить Анну королеве, и она направилась к ней в сопровождении мужа, ничуть, казалось, не пораженная ни блеском двора, ни Аполлоновой внешностью короля, стоявшего в эффектной позе, чтобы произвести на даму самое выгодное впечатление. Лицо его подергивалось от нетерпения.

Гойм вел жену с видом преступника, приговоренного к казни. Враги и акцизные чиновники упивались страданием, которое явно отражалось на его лице,

искаженном болезненной гримасой. Королева милостиво взглянула на Анну и приветливо улыбнулась ей, но улыбка была печальной. Королева, казалось, скорбела об участи, ожидавшей эту красавицу, даже вздох вырвался у нее из груди. Как только первые формальности были закончены, музыка заиграла полонез, и король с королевой открыли бал.

Княгини Тешен еще не было. Остальные дамы были в полном сборе, даже госпожа Гюльхен, эта Эгерия[10 - Эгерия - согласно древнеримской легенде, советчица короля Нума Помпилия.] Августа, пренебрегла болезнью, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Не успел окончиться первый танец, как шум у дверей возвестил еще о чем-то необычайном, зрители расступились, король обернулся, - на пороге стояла, как бы колеблясь, войти ли, княгиня Тешен.

Она была в глубоком трауре.

Увидев ее, раздраженный Август пошел ей навстречу.

- Княгиня, - спросил он насмешливо, - почему вы в таком неподобающем костюме на балу? Вы потеряли сегодня кого-нибудь из близких?

- Вас, ваше величество, - ответила тихо Урсула, - и не сегодня.

Взгляды любопытных, обращенные было на княгиню, снова устремились на Анну. Дамы вынуждены были единодушно признать, что графиня Гойм затмила всех блеском своей царственной красоты. Ее черные очи метали, правда, молнии и грозно сверкали, но рядом с ними все другие глаза меркли, как звезды перед солнцем.

Август, казалось, упивался видом этой пленительной женщины. Когда графиня Вицтум отозвала Анну в сторону, король подошел к Гойму и, дружески похлопав его по плечу, подозвал жестом Фюрстенберга.

- Дорогой граф, - сказал он, - ты выиграл тысячу дукатов, Фюрстенберг завтра уплатит их тебе. Поздравляю с выигрышем и с такой женой. Она, несомненно, самая красивая из дам нашего двора. Vox populi[11 - Глас народа (лат.)],

конечно, поддержит мое решение. Ты счастливейший из смертных, Гойм!

Но, глядя на Гойма, смиренно, с поникшей головой принимавшего поздравление, трудно было предположить, что он – счастливейший из смертных. У него был скорее вид человека униженного, подавленного, несущего наказание за свою вину, человека, который хотел бы зарычать от боли, да не смеет. Фюрстенберг смиренно поклонился, глядя с усмешкой на короля.

– Я вижу, ваше величество, – тихо шепнул он, – что ваши королевские прихоти оплачивать придется мне.

– Не сетуй, Фюрстенберг, заплати Гойму тысячу, а из казны возьми десять за то, что доставил мне удовольствие увидеть такое чудо, – ответил король, протягивая ему руку для поцелуя.

Тешен сидела в одиночестве, все покинули ее. Август заметил это и направился к княгине, то ли по привычке улаживать всех, кого ждала опала, то ли из еще сохранившегося чувства к ней.

Велико было удивление тех, кто не знаком был с порядками двора, когда они увидели Августа, направляющегося к Тешен. Но графиня Рейс и госпожа Гюльхен, опытным глазом следившие за королем, сразу оценили ситуацию.

– Тешен низвергнута! – тихо шепнула графиня своей соседке. – Король подошел к ней.

Старые придворные, видевшие, как король накануне заточения обнимал Бейхлинга, тоже понимали, что значит такая благосклонность. Август выказывал княгине Тешен подчеркнутое внимание и уважение.

– А знаете, – сказал король, разглядывая ее в черном платье и вуали, – несмотря на ваш наряд, вы сегодня так обольстительно хороши, что невольно вспоминается варшавский турнир и наша первая встреча, когда вы от беспокойства обо мне лишились чувств.

– Но графиня Гойм! Что по сравнению с ней я, турниры, воспоминания, обмороки, – заметила княгиня с иронией.

– Пускай она прекрасна и даже распрекрасна, но есть вещи прекрасней красоты, я говорю о нежном сердце. Дорогая княгиня, не разыгрывайте комедии, поезжайте домой, наденьте голубое платье, оно вам так к лицу, и ждите меня к ужину.

Бледное лицо княгини вспыхнуло ярким румянцем.

– Мой король! Мой господин! – вскричала она, забываясь. – Вы по-прежнему мой Август, да?

– Прошу тебя... верь мне, зачем мне обманывать? – убеждал ее король.

Август на этот раз и в самом деле не лгал, красота Анны Гойм произвела на него сильное впечатление, но в то же время вызвала какое-то беспокойство. Энергичная натура этой женщины проявлялась в каждом ее движении, взгляде, жесте. Август понимал, что быть с этой женщиной, значит, сложить часть своего могущества к ногам Омфалы[12 - Омфала – в греческой мифологии лидийская царица, которой служил Геракл.]. Лицо Анны говорило: я должна властвовать; лицо Урсулы – я люблю тебя, государь, и умираю от тоски. Анна Гойм показалась ему слишком серьезной и грустной, а высоких слов с него и так хватало. Он поспешил утешить княгиню, ибо не хотел расстаться с ней и попасть в руки женщины, не выказывавшей ни малейшего желания покорить его.

Анна Гойм была одета с большим вкусом и изяществом, на ней, правда, не было драгоценностей, но прическа, покрой платья, подбор цветов тонко оттеняли ее диковинную красоту. На портретах того времени у нее прелестный овал лица, небольшой носик, маленький рот, большие черные глаза, чрезвычайно выразительные нежные черты лица и густые черные волосы. Руки, грудь, вся фигура были под стать ее лицу, на котором бледность чередовалась с ярким румянцем.

Выставленная на обозрение сотен глаз, Анна Гойм не растерялась. Вначале молчаливая и сосредоточенная, она быстро освоилась в обществе блестящих придворных. Княжеский двор, где она провела молодость, не мог сравниться роскошью с дрезденским, но обычаи и порядки были те же.

Княгиня Тешен торопилась выполнить приказание Августа; с торжествующим видом, бросив томный взгляд на короля, она вышла из зала. Не прошло и

нескольких минут, как Август стоял уже возле стула графини Гойм. Он молча разглядывал ее. Анна, увидев короля, встала, он попросил ее сесть. Она повиновалась ему, но почтительность ее была сдержанной.

При дворе Августа было заведено не мешать королю своим присутствием, если он желает поговорить с кем-нибудь наедине. Так было и на сей раз; все оставили короля, даже Гойм вынужден был отойти, его увел Вицтум, у которого именно сейчас оказалось к министру неотложное дело.

– Графиня, вы в первый раз при моем дворе, – любезно заговорил король, наклонившись к ней, – ваше появление – настоящий праздник. Я радуюсь новой звезде на моем небосклоне.

Анна гордо подняла голову.

– Ваше величество! В ночном мраке любой огонек кажется нередко звездой, но он быстро гаснет. Я ценю вашу благосклонность, но приписываю ваши слова любезности.

– Я лишь повторяю то, что говорят все, – возразил Август.

– Государь, – продолжала с улыбкой Анна, – первое впечатление часто бывает обманчиво. Новое увлекает, но действительно прекрасно только то, что после многих лет кажется все таким же, как в первый день.

Король понял, что его прелестная собеседница намекает на внимание, которое он оказал княгине Тешен, и замолчал.

– Вы слишком скромны, – промолвил Август немного погодя.

– О! Нет, ваше величество, – с живостью прервала его Анна. – Я не придаю особого значения красоте.

– Но красота лица свидетельствует и о красоте души, – заметил Август.

Анна опустила глаза. Король не отходил от нее.

– После долгого одиночества, которому подверг вас несносный Гойм, спрятав в глуши свое сокровище, двор наш, должно быть, поражает вас.

– Нисколько, – возразила Анна, – я провела молодость при дворе, очень похожем на этот, хотя и не столь пышном. Ведь все дворы, ваше величество, по сути дела – одно и то же.

– Что же именно? – спросил Август.

– Отлично разыгранная комедия, – ответила Анна.

– А какую роль играю я в этой комедии?

Анна с иронической усмешкой взглянула на него.

– Быть может, директора труппы, которого все обманывают и обирают.

Август, несколько удивленный, ответил ей с полуусмешкой:

– Вы считаете, что все здесь одно притворство?

– А разве может быть иначе? – вздохнула Анна. – Правда до королей не доходит.

– Возможно, – промолвил Август, – и потому они ищут часто сердце и уста, которые дали бы им, жаждущим, хоть каплю этого нектара.

– И находят, – добавила Анна, – но уста эти иной раз умеют искусней других сочить яд.

– Вот теперь я вижу, – сказал король с учтивостью, – что жизнь большого двора вам не по душе. Меня это огорчает, я надеялся, что вы нас не покинете и сиянием ваших глаз осветите хоть немного небо наших мрачных дней.

– Ваше величество, – ответила с живостью Анна, – я была бы здесь диссонансом; петь, как другие, я не умею, да и голос у меня всегда один и тот же, а здесь это не годится.

Чтобы переменить разговор, Август стал весело подшучивать над присутствовавшими. Анна убедилась, что Август несравненно лучше знал характер, наклонности и тайны жизни своих приближенных, чем она предполагала.

– Как видите, графиня, – заключил Август, – не так уж много тайн сокрыто от меня; придворная комедия, может, потому только забавляет меня, что этим людям кажется, будто они обманывают и дурачат меня, вертят мною, как хотят.

– Так боги смотрят на землю, – сказала Анна.

Последние слова, кажется, понравились королю. Произнося их, Анна впервые встретилась с ним взглядом, во взгляде Августа было недвусмысленное поклонение и восхищение. В глазах Анны не было ничего, кроме холодного любопытства и настороженности.

На этом разговор окончился, и Август удалился медленным шагом. Все следили за ним издали, Фюрстенберг первый попался ему на пути.

– Ваше величество, осмелюсь спросить: она самая красивая и...

– Самая остроумная, – закончил король. – Надо сказать Гойму, чтобы он и не думал увозить жену из Дрездена. Необычайно мила, диковата немного, но это со временем пройдет.

Гойм наблюдал издали. Он пытался отгадать мысли Анны, которую тотчас окружили графиня Рейс, госпожа Гюльхен и графиня Вицтум.

Король, увидев подобострастие дам, пожал плечами.

– Они уже поклоняются восходящей звезде, – шепнул он Фюрстенбергу, – опасаюсь, как бы эти интриганки не ошиблись в расчетах.

Фюрстенберг посмотрел на Августа с недоумением.

– И ты ошибаешься, и они ошибаются, – спокойно произнес Август, наклонившись к уху князя. – Графиня Гойм прелестна, как сошедшая с пьедестала греческая

статуя, я изучил ее с ног до головы, но слишком энергична и смела и уж очень властолюбива. Провести с ней несколько веселых дней я не прочь. Ничего другого не хочу. Красота ее привлекает меня, характер пугает.

Фюрстенберг опешил от удивления, а король направился дальше.

За все это время никто не обратил внимания на бледного молодого человека, который, стоя в дверях, возвышался над толпой. Глаза его с беспокойством следили за каждым шагом Анны, а когда король подходил к ней, вспыхивали зловещим огнем и грозно сверкали из-под ресниц. Анна несколько раз обводила глазами залу, но не заметила этого несчастного в окружавшей ее толпе. Только после того как король удалился, погруженная в думы, Анна свободней вздохнула, стала присматриваться к людям вокруг и увидела случайно Заклику.

Она узнала его. Взгляд ее задержался на бледном лице Раймунда, и сама она побледнела, растерявшись. Чтобы убедиться, что она не ошибается, она взглянула еще раз и увидела глаза, устремленные на нее. Сомнения не было, ее молчаливый воздыхатель из Лаубегаста был здесь. Лицо его, казалось, выражало сострадание, печаль и беспокойство.

Незнакомец не переставал тревожить Анну, она искала его глазами, мечтая втайне больше не увидеть его, но неподвижная голова, словно высеченная из камня, высилась над толпой все с тем же выражением сострадания и тревоги. Почему неприметное лицо какого-то бродяги занимало ее больше, чем красивое лицо короля, чем льстившие ей придворные, – на это она не сумела бы дать ответа. Анна чувствовала, что какими-то таинственными нитями судьба ее отныне неразрывно связана с этим человеком из другого мира.

Был ли то палач, ждущий приговора, или жертва, ожидающая казни, Анна не знала, но какой-то внутренний голос, неотвязный, мучительный, говорил ей, что незнакомец этот будет вовлечен в орбиту ее судьбы. Как угроза, как призрак, преследовало ее это лицо, на котором то сверкали, то гасли глаза, пугая ее все больше и больше. Всякий раз, когда Анна видела устремленный на нее взгляд, по ее телу пробегала дрожь.

Графиня смеялась над собой, а душа ее отзывалась стоном.

Она была под впечатлением этих мыслей, когда Гойм, желтый, с кислым лицом, предложил ей руку, чтобы ехать домой. Судьбе было угодно, чтобы они направились к тем дверям, где стоял, возвышаясь над толпой, назойливый призрак. Люди расступились перед ними. Перейдя порог, Анна с беспокойством увидела совсем рядом прильнувшего к стене незнакомца из Лаубегаста. Она едва не задела юношу, взглянув на него украдкой, а тот, встретившись с ней взглядом, опустил как бы ненароком на колени, схватил край ее платья и поднес к губам. Когда она обернулась, его уже не было.

К ним подошла графиня Рейс и стала так настойчиво приглашать к себе на ужин, что министр не мог отказать.

С бала они вместе с Фюрстенбергом поехали прямо к графине, где обычно собирался узкий круг наизнатнейших людей. Царила в нем знаменитая Эгерия, Гюльхен, зрелых лет дама, к которой король часто обращался за советами; здесь бывали те, кто жаждал власти или хотел сохранить ее. Король Август посмеивался над этой кликой, но она скрытно повелевала им и двором.

Графиня Рейс, урожденная Фризен, была одной из влиятельнейших особ при дворе Августа II. В ее доме обсуждалось обычно, кто из фаворитов государя будет низложен, а кто возвышен; здесь предсказывали, кому из красавиц отдаст предпочтение король, и точно угадывали, когда легкомысленный Август обратит свои взоры в другую сторону.

Гойму было хорошо известно, что графиня Рейс, предчувствуя появление новой фаворитки, всегда старается заблаговременно снискать ее расположение и доверие. Его крайне встревожило явное подбострастие графини, указывающее на то, что в Анне видит она преемницу княгини Тешен, но выказать свое негодование и то, что игру эту он понимает, Гойм не мог, да и не хотел. Графиня Рейс благодаря Гюльхен и собственным связям пользовалась большим влиянием при дворе, восстановить ее против себя – значило нажать опасного врага. Гойм, притворившись, будто ничего не видит и ни о чем не догадывается, отправился к графине на ужин.

В гостиной былолюдно и оживленно, но рядом, в кабинете, куда время от времени заглядывали хозяйка дома, ее ближайшая приятельница, Фюрстенберг и другие верные люди, говорили вполголоса о делах. В гостиной болтали о нарядах, делились сплетнями, которые ни для кого не были тайной. Все сходились на том, что нежность, выказываемая Августом княгине Тешен,

предвещает скорый разрыв. Но королю по многим причинам приходилось считаться с княгиней. Известны были ее связи с Собескими, родство с Радзеевским и влияние, которым она пользовалась в Польше, – Август не мог сейчас этим пренебречь.

В кабинете графиня Рейс расспрашивала своего друга Фюрстенберга о разговоре с королем и о впечатлении, произведенном Анной Гойм.

– Я хорошо знаю, как наш повелитель относится к женщинам, – начал Фюрстенберг, – Анна Гойм держалась надменно и строго и этим немного отпугнула его, но к красоте ее он не остался равнодушен, а чувство у короля рано или поздно одержит верх над рассудком. Чем больше он боится ее, тем жарче будет желать, а уж он, если чего захочет, так добьется непременно. Анна Гойм, мне кажется, не расположена играть роль легкодоступной любовницы, она женщина сильная, и король, без сомнения, подчинится ей.

– Ты полагаешь, что ее царствование наступит?

– Я хорошо знаю короля и думаю, что она победит. Сейчас король не прочь бы удовлетворить свою прихоть, не вступая в прочную связь, и от графини зависит, как поведи дело.

– А каков, по-твоему, князь, ее характер?

– Можно лишь догадываться, – сказал Фюрстенберг, – думаю, что ни муж, ни родные, ни даже она сама не знают, какой она станет, когда обстоятельства вознесут ее. Сейчас она женщина гордая, благородная, с энергичным характером, живым умом и незаурядными способностями.

– Но можно ли будет направлять ее?

Князь задумался.

– Я, во всяком случае, предпочитаю иметь дело с умными людьми, чем с такими, что сами не ведают, что творят. Поступки человека умного можно предвидеть, а глупцов, которые мчатся, не разбирая дороги, не так-то легко раскусить.

Они постояли молча. Графиня дала Фюрстенбергу знак, чтобы он оставил ее, потом прошла в раздумье по кабинету и тоже вернулась в гостиную. Там она вскоре очутилась возле Анны, увела ее в кабинет и усадила рядом с собой.

– Дорогая графиня! – начала она серьезно, положив руку Анне на колени. – Если у тебя хватит терпения и снисходительности к старой приятельнице, выслушай меня и разреши говорить со всей откровенностью. Здесь нас никто не слышит, мы здесь одни, я хочу дать тебе совет, быть может, он пригодится. Ты достаточно хорошо знаешь двор, и наше время, и самое себя, чтобы понять, что тебя не зря вызвали в Дрезден. Королю надоела Тешен, но характер у него таков, что он не может жить без любви, мир прощает ему эту его слабость, будем же и мы снисходительны к столь великому и доброму государю, – тут уж ничего не поделаешь. Нам, его приближенным, остается одно: даже из слабостей его извлечь как можно больше добра и пользы для подданных. Ты, без сомнения, можешь занять очень высокое положение при короле, но здесь важно не медлить и действовать с умом.

– Дорогая графиня, – возразила Анна, – я не честолюбива, к богатству не стремлюсь, у меня есть муж, и я хочу остаться честной женщиной.

– Возразить против этого трудно, – сказала, улыбнувшись, графиня Рейс, – но позволь все же заметить, – я не понимаю, во имя чего ты обрекаешь себя на мученичество? Гойм человек неприятный; он развратник, неверный муж, любить его невозможно, рано или поздно сердце твое заговорит.

– Я заглушу голос сердца.

– Возможно. Но тоска и скука одолеют тебя, с отчаяния ты бросишься в объятия первого встречного и не найдешь счастья. Я знаю свет, это участь многих. Король же обаятелен и мил, жизнь с ним может быть раем.

– Но король легкомысленный и неверный, а мимолетных связей я не признаю, они мне отвратительны!

– Уверяю тебя, дорогая Анна, – возразила графиня Рейс, – от женщины зависит, станет ли такая связь прочной. Никакими узами закона короля не свяжешь, их расторгнет совесть или первый встречный священник. Только разум твой, такт и обаяние могут быть залогом верности короля. Мужа или любовника надо уметь

привязать к себе.

Анна Гойм пожала плечами.

– Жалка та любовь, которую нужно держать в узде, – воскликнула она, – я такой любви не хочу. Откровенность за откровенность, дорогая графиня, – продолжала Анна, понизив голос. – Меня ничто не может тронуть, только сердце. Да, я хотела бы остаться верной Гойму, но не ручаюсь за себя. Мое сердце можно завоевать только любовью; если я полюблю, то открыто брошу Гойма и уйду к любимому, однако тот, кто полюбит меня, должен стать моим мужем.

– Ведь это король! Король!

– Хотя бы и король! – воскликнула Анна.

– Но ты же знаешь, что король женат, хотя они с королевой и не живут вместе.

– Ему пришлось бы расторгнуть брак с королевой и присягнуть мне в верности, – сказала Анна. – Ролью Эстерле, Кенигсмарк, Тешен я не удовлетворюсь.

Анна встала и величественным шагом прошла по комнате, больше говорить было не о чем.

– Поступай, как тебе будет угодно, – закончила Рейс, – я обязана была предупредить тебя и дать дельный совет; что ж, останемся добрыми друзьями и не будем больше говорить об этом, но знай: положение, которым ты пренебрегаешь и о котором говоришь с таким равнодушием, не столь унижительно, как ты думаешь. Короли будут поклоняться тебе, ты сможешь управлять страной и предотвращать зло, сможешь спасти людей и дарить им счастье. Это чего-нибудь да стоит.

– Честь мне дороже всего, – заявила Анна, – не будем больше говорить об этом.

Графиня молча пожала ей руку, и они, не произнеся ни слова, вернулись в гостиную. Дамы, сидевшие там, пристально вглядывались в них, пытались отгадать что-нибудь по их лицам. На лице Анны играл румянец, а графиня Рейс была бледна, но обе приветливо улыбались, словно гроза миновала, оставив

после себя ясную, без единого облачка погоду.

Под окнами замелькал свет факелов, освещавших по вечерам путь королевским экипажам, Фюрстенберг выглянул в окно: это и в самом деле был скучающий Август, он ехал к Тешен и в тусклом свете казался таким печальным, словно был приговорен к тяжелому наказанию. Увидев в окне или, вернее, догадавшись, что там Фюрстенберг, Август безнадежно махнул ему рукой, и экипажи исчезли за поворотом.

VI

У Адольфа Магнуса Гойма, занимавшего в то время место, соответствующее нынешнему посту министра финансов, не было друзей ни при дворе, ни вообще в стране. Ненавидели его главным образом за то, что он ввел вслед за другими обременительными налогами акцизный сбор. Саксонцы противились как могли и умели, их неповиновение вызывало у короля, которому постоянно не хватало денег на непредвиденные расходы, плохо скрываемый гнев. Ему посоветовали лишить непокорное дворянство остатков его привилегий и окружить себя чужестранцами, не имевшими никаких связей ни с дворянством, ни со страной.

Август принял этот совет, среди его министров и фаворитов было много иностранцев. Итальянцы, французы, немцы из соседних государств играли при дворе первенствующую роль. Гойм – человек бесстрастный, невозмутимый, на редкость изобретательный в изыскании доходов для короля, тратившего миллионы на Польшу, на содержание войска, празднества и фавориток, был благодаря своей удивительной способности выколачивать деньги в большом фаворе. Но Гойм не обольщался этим, пример Бейхлинга и многих других заставлял его всегда быть начеку, он ждал часа, когда сможет, нагрузив как следует карманы, унести подобру-поздорову из Саксонии свою голову, а вместе с ней и состояние. Гойма никто близко не знал, но известно было, что человек он вспыльчивый, изворотливый, корыстолюбивый, распутный, неспособный на искреннюю привязанность. Лучше всех его знала, по-видимому, графиня Вицтум, его сестра, она умело, без всякого нажима руководила и управляла им и заставляла делать то, что считала нужным.

Кроме Бейхлинга, упрятого в Кёнигштейн, у Гойма не было друзей, разве что временные союзники. Гофмаршал Пфлюг и многие придворные терпеть его не могли; с Фюрстенбергом у него тоже были плохие отношения.

Когда, после заключения пари, Гойму приказано было вызвать жену и представить ее ко двору, никто не пожалел его, никто не посочувствовал, над ним только подтрунивали и издевались.

На другой день после бала Гойм отправился с докладом к королю. Акцизному сбору противились в провинциях. Особенно шумно выражали свое возмущение в Лужицах. Король протестов не терпел. Выслушав рапорт министра, Август Сильный, нахмутив брови, приказал ему:

– Отправляйся сегодня же, сейчас... Строптивых вели разогнать, выведай, кто зачинщик, и моим именем водвори порядок. Поезжай сейчас же, без промедления.

Гойм возразил было королю, что его личное присутствие в Лужицах не обязательно и даже бесполезно, что он пошлет кого-нибудь другого, а сам останется в Дрездене, где его ждут дела поважнее.

– Нет ничего более важного, как сломить упорство этих спесивцев, пусть не рассчитывают на уступки с моей стороны. Поезжай сейчас же, возьми с собой драгун, и чтоб никаких сеймиков не смели там устраивать. Скажи им, чтобы не вздумали брать пример с польской шляхты, я этого у своих подданных не потерплю, мы и в Польше скоро собьем спесь со шляхты.

Гойм попытался объяснить что-то, но король, не слушая его, повторял:

– Поезжай сейчас же, немедленно. – Он посмотрел на часы. – Через два часа ты должен быть на пути к Будишину. Такова моя воля.

Говорить с королем можно было только на пьяных пирушках. Кто не боялся быть задушенным в королевских объятиях, тот обнимался и целовался с ним под одобрительные возгласы присутствующих, а король хохотал при этом. Но когда Август был трезв, его воля, его слово были законом.

Приказ отправляться в Лужицы на другой день после бала показался Гойму весьма подозрительным. Зная короля, двор и его нравы, он не сомневался, что его отсылают с умыслом, чтобы он не мешал интригам и королю легче было сблизиться с его женой. Но что он мог сделать? Ничего. Поручить присмотр за Анной сестре – означало бы дать пьянице ключ от винного погреба, друга у него не было, он был беззащитен. Гойм чувствовал, что все в сговоре против него. Придя домой, министр бросил бумаги на стол и принялся в ярости рвать на себе парик, дергать рукава, потом распахнул с шумом дверь и побежал как безумный в апартаменты жены.

Анна была одна. Гойм с любопытством окинул взглядом комнату. Бледное лицо его исказилось от злости. Анна не обращала на него внимания, она привыкла к подобным сценам.

– Можете радоваться, – вскричал Гойм, – я был так глуп, что вызвал вас сюда, и теперь со мной делают все, что хотят. Я мешаю их интригам, король отсылает меня прочь, через час я должен ехать. Вы остаетесь одна.

– Ну и что ж, – ответила пренебрежительно Анна, – неужто вы думаете, что я нуждаюсь в вашей опеке, чтобы сберечь свою честь?

– Мне, однако ж, казалось, что я могу быть полезным, хотя бы чтобы умерить их наглость и бесстыдство, – крикнул Гойм, стукнув кулаком по столу. – Я им мешаю, вот они и хотят от меня избавиться. Вижу руку дорогого Фюрстенберга, он вручил мне сегодня, издевательски посмеиваясь, тысячу дукатов, а я-то знаю, что от короля он получил десять тысяч за блестящую мысль привезти вас сюда, моя милая.

– Гойм, – крикнула, вскакивая, Анна. Глаза ее сверкали. – Довольно оскорблений, идите, уезжайте, делайте что хотите, но меня оставьте, пожалуйста, в покое. Я сама сумею отстоять себя. Довольно, говорю вам, довольно!

Гойм замолчал, лицо его помрачнело, часы напомнили, что время отъезда близится.

– Мне незачем предостерегать вас, – сказал он напоследок, – вам и так известно, что может ожидать вас здесь, скажу только, что бесчестия я не потерплю. Вольно зятю моему Вицтуму и другим потворствовать подобным вещам, мне

благодарности несвойственно.

– О, никогда не паду я столь низко, – прервала его Анна. – Изменять вам я не намерена, это бы унизило меня, но если вы жизнь мою сделаете несносной, я порву с вами открыто и навсегда.

Гойм ничего не ответил. Он постоял в нерешительности на пороге, теребя свой парик, хотел что-то сказать, но тут в дверь постучались, пришел королевский посланец – пора было ехать.

Из замка следили за Гоймом, пока он не переехал мост, а чтобы не вздумал тайком вернуться, послали вослед соглядатая. План был такой: графиня Рейс пригласит Анну к себе, король появится там неожиданно, да к тому же инкогнито. Тайная эта миссия возложена была на графиню Вицтум. Но Анна наотрез отказалась ехать. Тщетно уверяла ее графиня, что об этом никто знать не будет. Анна, догадавшись, что ей устраивают встречу с королем, тут же высказала это сестре мужа.

– Ты слишком догадлива и осмотрительна, – рассмеялась графиня Вицтум, – обмануть тебя трудно; что ж, возможно, король, сгорающий от желания познакомиться с тобой поближе и знающий о каждом твоём шаге, появится у графини Рейс. Ну а если он, чтобы удовлетворить свое любопытство, приедет к тебе прямо сюда? Что тогда? Перед королем дверь не закроешь, все двери раскрыты перед ним. Разве пристойней будет и лучше, если он проведет несколько часов наедине с тобой? Что скажут люди?

Анна побледнела.

– Король не может быть таким... – она не сразу подобрала слово, – таким назойливым, король не посрамит моего доброго имени. Этого быть не может! Это было бы...

– А я говорю тебе, что все может быть, король скучает, он любопытен и не признает ни упорства, ни отказа. Женщины своей податливостью превратили его в деспота. Король приедет сюда, если тебя не будет у графини Рейс.

– Откуда ты знаешь? – спросила Анна. – Откуда?

– Я ничего не знаю, но я знаю моего государя, – странно как-то усмехаясь, прошептала невестка, – и помню один вечер в моей жизни.

Она вздохнула.

Анна хрустнула пальцами.

– Вот как! Здесь, как от разбойников на большой дороге, надо всегда иметь при себе оружие. Что ж, придется раздобыть кинжал и пистолет, ни железа, ни пороха я не боюсь.

Графиня Вицтум старалась успокоить возмущенную Анну и обратить все страхи в шутку.

– Знай же, – сказала она, – что Август ни разу в жизни насилием над женщиной себя не запятнал. Это не в его характере. Он так обходителен, любезен, так хорош собой и обаятелен, что ему не приходилось прибегать к подобным средствам.

После долгих уговоров сестра Гойма добилась согласия Анны поехать вечером к графине Рейс. Гордясь своей победой, она отправилась домой, а потом к приятельнице, чтоб сообщить ей радостную весть. Фюрстенберг помчался с этой вестью во дворец.

Король предупредил, что поедет ненадолго к княгине Тешен, а на обратном пути отошлет экипаж с людьми во дворец, а сам на носилках, о которых должен позаботиться Фюрстенберг, прикажет отнести себя incognito к графине Рейс.

Прежде чем продолжать эту до мельчайших подробностей правдивую историю, мы должны дать читателю верный портрет нашей героини графини Анны Гойм.

Анна была круглой сиротой, одна-одинешенька на свете, замуж вышла по принуждению, во всяком случае, не по своему выбору. Жизнь с мужем вскоре стала невыносимой, страдания были ее уделом в первую пору молодости. Всякая другая на ее месте обрадовалась бы представившейся возможности обрести свободу, блестящее положение, быть может, и непрочное, но обеспечивающее впоследствии богатую и независимую жизнь или даже новый брак, который

заставит забыть минутное заблуждение, но Анна была воспитана в строгих правилах, ее возмущало легкомыслие женщин, уступавших мимолетному увлечению государя. Анна не прочь была разойтись с мужем – ибо питала к нему лишь отвращение и ненависть, – но только в том случае, если они с Августом полюбят друг друга и союз их скреплен будет браком.

Вздумай Анна поделиться с кем-нибудь своими мыслями, ее подняли бы на смех. Навечно связать узами такого непостоянного человека, как Август, казалось всем чистым безумием. Анна же, памятуя об отношениях короля с королевой, считала это вполне возможным.

Август был красив, галантен, неудивительно, что после Гойма он произвел впечатление на Анну, блеск короны и величие делали его еще неотразимей, и Анна почувствовала к нему симпатию, сердце ее забилося. Она поверила в счастливый, но обязательно скрепленный клятвой брак с ним.

Оплетенная после бала сетью интриг, целью которых было сблизить ее с Августом, Анна думала, размышляла, взвешивала и наконец решила: «Лишь как жена могу я принадлежать ему».

Упорство ее было продиктовано скорее рассудком, чем сердцем. Она набивала себе цену, твердо решив – пусть лучше рухнут ее планы, чем она станет игрушкой в руках интриганов.

Анна чувствовала свою силу, зеркало говорило о пленительной красоте ее молодости, по глазам короля она видела, какое произвела на него впечатление. И Анна решила добиться своего.

– Я ни за что так низко не паду! – говорила она сама себе. – Лучше остаться несчастной женой Гойма, чем сделаться возлюбленной Августа: или я буду его женой, или все будет по-прежнему.

В глубине души она уже примирилась с судьбой, речь шла только об условиях. Но никто вокруг не догадывался, что Анна уже готова порвать с мужем, все считали, что это дело будущего.

Молодая женщина предалась мечтам, а мечты в одиночестве опасные советчики. К стыду своему, Анна вынуждена была признать, что даже столь короткое

пребывание при дворе оказало на нее пагубное влияние. Высокомерие и жажда власти пробуждались в ней и опутывали мало-помалу ее душу.

Когда наступил вечер и пришла пора отправляться на ужин к графине Рейс, Анна с особой тщательностью обдумала свой туалет, оделась просто, но с большим вкусом и изяществом. Тогдашняя мода позволяла обнажить до плеч чудесной красоты руки, прелестный изгиб шеи, будто из мрамора высеченную грудь. Кожа ее не нуждалась ни в белилах, ни в румянах, она была свежа, как весна, щеки ее то вспыхивали пурпуром, то ослепляли белизной. Иссиня-черные, красиво уложенные косы еще больше оттеняли великолепный цвет лица, прозрачного и нежного, как атлас. Но все это было ничто по сравнению с глазами, полными огня и чарующей прелести. Эти обольстительные глаза могли довести человека до безумия. В них была какая-то необъяснимая, загадочная прелесть, тревожащая, как гибельный взгляд сказочного василиска.

Посмотревшись в зеркало, Анна удовлетворенно улыбнулась. Она была вся в черном, только отделка из пунцовых лент оживляла ее причудливый и необычный наряд. Золовка, захавшая за ней, еще с порога вскрикнула от восхищения: Анна так прекрасна, так прекрасна, что она не удивится, если корона будет брошена к ее ногам.

– Ты намерена предстать перед королем в таком обворожительном наряде? И при этом еще смеешь утверждать, что предпочитаешь прозябать с моим братом в глуши?

– Что ж тут такого, – холодно ответила Анна, – какая женщина захочет казаться хуже, чем она есть?

– Однако ты большая искусница и в советах, как одеться, не нуждаешься. Ну, что ж, едем!

Гул восхищения приветствовал появление Анны у графини Рейс. Красота ее, ошеломившая всех на балу, сейчас была еще более ослепительной. Дамы, мнившие себя красавицами, почувствовали себя рядом с ней старыми и поблекшими. Ей было двадцать четыре года, но выглядела она на восемнадцать. Это была античная Диана с ее девичьей гордостью и суровостью лесного божества, избегавшего людских глаз.

Графиня Рейс была в восторге, – все как нельзя лучше отвечало ее планам. Анну тотчас окружили, чувствуя уже как королеву и стараясь снискать ее благосклонность. Фюрстенберг, опередивший короля на несколько минут, остолбенел, увидев Анну Гойм.

– Я знаю короля, – сказал он, – эта женщина сделает с ним все, что захочет, если и дальше будет упорствовать.

Анной руководил врожденный инстинкт, в советах она не нуждалась.

Немного погодя дверь кабинета бесшумно растворилась и вошел король.

Еще с порога он искал глазами ту, ради которой пришел, а увидев, покраснел, побледнел, растерялся и, позабыв о хозяйке дома, бросился к Анне, чтоб поздороваться с ней. На челе его не осталось и следа озабоченности, вызванной поражениями, неблагодарностью поляков, миллионными потерями, изменами и разочарованиями.

Анна ответила на приветствие издали чопорно и холодно, но наряд ее говорил сам за себя. Она хотела понравиться, это было ясно и вселяло надежду.

Несмотря на впечатление, произведенное Анной, король, чтобы не нарушить ритуал учтивости по отношению к прекрасному полу, подсел к графине Рейс, которую не любил, и сказал ей несколько любезных слов, не спуская, однако, взгляда с Анны. Потом пошептался в сторонке с госпожой Гюльхен, улыбнулся графине Вицтум, учтиво приветствовал остальных, одарив всех без исключения милостивым взглядом. Во время этой церемонии у графини Вицтум было достаточно времени, чтобы взять невестку под руку и увести в кабинет под предлогом какого-то спешного и важного разговора. Это был стратегический маневр, чтобы обеспечить королю приятный t?te-a-t?te[13 - С глазу на глаз (фр.).]. Как только король показался на пороге и завел с Анной разговор, графиня Вицтум незаметно отошла и вскоре ретировалась совсем. Дверь осталась, правда, растворенной, и приподнятая портьера позволяла находившимся в гостиной лицезреть особу государя, но никто не мог слышать, о чем они с Анной говорили.

Август был сильно возбужден и, казалось, позабыл уже свои вчерашние опасения.

– Вы сегодня еще прекрасней и совсем не такая, как вчера. Да вы просто волшебница! – воскликнул король, не в состоянии сдержаться.

Анна Гойм поклонилась.

– Ваше величество, вы славитесь своей любезностью и вниманием к прекрасному полу, поэтому самым лестным вашим словам трудно поверить, – сказала Анна.

– Вы требуете от меня клятвы? Я готов поклясться всеми богами Олимпа. В жизни не видел женщины красивей и поражен жестокостью судьбы, отдавшей такого ангела в руки моему несносному акцизному.

Анна невольно рассмеялась, и впервые из-под розовых губ показался ряд белых, как жемчуг, зубов. Улыбка эта сделала ее еще обольстительнее. Две крохотные ямочки, словно выцелованные, показались на розовых щеках и исчезли. Лицо, едва покрывшись кармином, стало постепенно бледнеть, а потом засияло, как бы освещенное внутренним огнем.

Король взглянул на ее руки, – он безумно любил целовать красивые руки, – и едва удержался, чтобы не прильнуть к ним губами. Это было чудо красоты. У короля начинала кружиться голова.

– Если бы я был тираном, – воскликнул он, – то не разрешил бы Гойму вернуться сюда, я ревную вас к этому Вулкану.

– Вулкан тоже ревнив, – возразила Анна.

– А разве Венера может любить его?

Она молчала, король долго ждал ответа.

– Кроме любви, есть еще и другие узы, связывающие, быть может, сильнее, чем любовь, – узы долга и клятвы.

Король улыбнулся:

– Клятвы в любви?

– Нет, государь, в супружеской верности.

– Но есть браки святотатственные, – сказал Август, – и к ним я отношу такие, когда красота сочетается с чудовищным уродством. Боги в таких случаях прощают нарушение клятвы.

– Но гордость не позволяет преступить ее.

– Вы очень строги, сударыня.

– Даже больше, чем вы думаете, ваше величество.

– Вы пугаете меня, графиня!

– Вас, ваше величество? – улыбнулась она. – Но как это может вас касаться, что вам до моей строгости?

– Касается даже больше, чем вам кажется, – ответил в тон ей Август.

– Не понимаю, – прошептала Анна.

– Как? Неужели вы не видите, что покорили меня вчера с первого взгляда?

– Успех мой, – ответила Анна, – недолговечен, он до первой зари. Вы, ваше величество, и в этом подобны богам. Легко влюбляетесь и легко забываете...

– Нет, – с жаром воскликнул Август, – верьте мне, сударыня, это клевета. Разве я виноват, что не встретил ни разу в жизни женщину, чье сердце, ум, красота сумели бы привязать меня к себе навеки. Не я изменяю, а мне изменяют. С каждым днем с моих богинь спадает завеса, очарование тускнеет, чудо становится обыденным, ангел теряет крылья, а любовь сменяют кокетство и холод. Разве я в этом виноват? Поверьте мне, – продолжал Август, все более увлекаясь, – я ищу ту, кому мог бы принадлежать всю жизнь, кому мог бы остаться верным навеки, найди я такое сердце, такую женщину, я не расстался бы с ней никогда.

- Трудно поверить, - прошептала Анна, - а еще трудней представить себе совершенство, которое было бы достойно любви вашего королевского величества.

- Верьте мне, сударыня, - прервал ее Август, - такое совершенство сейчас у меня перед глазами.

- Наступит белый день, и я, увы, покажусь вам другой, да и благосклонность ваша не может вскружить мою бедную голову, я считаю себя недостойной ее.

- Вы восхитительны! - воскликнул Август, беря ее за руку.

Анна хотела вырвать руку, но этикет не позволял этого: король так долго ласкал и целовал ее белую ручку, что в конце концов, сохраняя должную почтительность к его королевскому величеству, Анна, сгорая от стыда, как бы кто в гостиной не заметил этой вольности, осторожно выдернула ее.

Август встал взволнованный.

- Я не в силах отойти от вас, - сказал он, - придется, видно, на помощь моей любви, которая, как я вижу, оставила вас равнодушной, призвать свою королевскую власть. Не вздумайте уезжать из города, я арестую вас. Что касается Гойма, то лишь ваше вмешательство может смягчить его участь. Сейчас мне хотелось бы... - Он не кончил. Анна и не думала вступаться за Гойма.

Беседа продолжалась бы еще долго - так Август был увлечен ею, если бы графиня Рейс, поторопившаяся почему-то с ужином, не вошла пригласить короля к столу. Тот подал руку Анне. Это был, собственно, не ужин, а легкая трапеза, состоявшая на итальянский манер из сладостей, фруктов и вина. Король первую рюмку поднял за здоровье жены министра. Фюрстенберг усиленно наблюдал за ним.

- Тешен погибла, - прошептал он на ухо графине Вицтум.

- Мой брат тоже, - шепнула ему в ответ достойная дама, - если только хватит у моей невестки ума...

– Боюсь, ума у нее даже с избытком, – сказал Фюрстенберг, – взгляните, как она холодна, как владеет собой. Королю, несмотря на все старания, не удалось, по моему, даже слегка вскружить ей голову, а сам он уже без ума от нее.

Во время трапезы разрешалось вставать, не дожидаясь конца ее, и все понемногу разбрелись кто куда. Август же пытался разговорами задержать Анну. Она была веселой, непринужденной, и Фюрстенберг и король видели, что она вполне владеет собой, что блистательный успех не опьянил ее. Первый раз в жизни Август встретил женщину, не уступившую сразу его домоганиям и не стремившуюся, казалось, извлечь из них выгоду.

Это задело его самолюбие.

Хладнокровие и ледяное спокойствие Анны начинали злить короля, но в то же время разжигали страсть.

Вначале король предполагал завязать с Анной короткую интрижку, которая не вытеснила бы из его сердца княгини Тешен, сейчас он понял, что эта красивая женщина доставит ему гораздо больше хлопот, чем он предполагал.

Анна смеялась, шутила, была очень весела; она, как видно, всячески старалась поймать короля в свои сети, но сама делалась все холодней, смелей и неприступней. Если королю всегда удавалось быстро и успешно подвигаться к цели, то сейчас, и он сознавал это, цель отдалялась от него.

В конце беседы, когда король, не скрывая страсти, настойчиво стал молить прекрасную даму отвести ему уголок в ее сердце, Анна, совсем уже освоившись, ответила ему прямо, без уверток:

– Ваше величество, прошу прощения, но вы вынуждаете меня к неприятному признанию. Я одна из тех несчастных женщин, для которых гордость превыше всего. Если вы думаете, что, опьяненная вашим очарованием, силу которого признаю, я пренебрегу своим достоинством, поддамся минутному заблуждению и забуду о том, что ждет меня впереди, вы ошибаетесь, ваше величество. Анна Гойм не будет ничьей возлюбленной, даже короля. Сердце свое я отдам безраздельно, навеки, или вовсе не отдам.

Анна встала из-за стола и быстро направилась в гостиную.

Король с Фюрстенбергом постарались тут же незаметно ускользнуть, но графиня Рейс выбежала за ними на лестницу. Лицо Августа не выражало ни радости, ни надежды, он был мрачен и печален. Графиня догадалась, что разговор с Анной не привел ни к чему, и сделала вид, будто сочувствует Августу. На самом же деле она на Анну ничуть не гневалась; чем больше усилий придется приложить королю, чтобы добиться успеха, тем прочней будет их союз. Кратковременная любовная интрижка, которая не вытеснила бы из сердца короля княгиню Тешен, ее не устраивала; она надеялась с помощью Анны усилить свое влияние при дворе.

– Дорогая графиня, – шепнул король, уходя, – постарайтесь смягчить эту статую. Она прекрасна, как Венера, не отрицаю, но и сердце у нее из мрамора.

Графиня Рейс не успела ответить, король уже спускался по лестнице.

– Она восхитительна, – сказал Август своему наперснику Фюрстенбергу, – но в то же время и отталкивает, – холодна, как лед.

– Ваше величество, нужно время... У женщин бывает разный характер и разный темперамент, не всякая сдается сразу.

– Сдается! Она прямо заявила, что не признает любви без брачных уз.

– Но ведь всякая любовь начинается с клятвы верности до гроба...

– С ней это не так-то просто, – добавил Август, – Тешен была куда сговорчивей...

– Ваше величество, какое может быть сравнение...

– Да! Это так... Тешен с ней равнять нельзя. Пошлите Гойму приказ, чтобы он не смел возвращаться.

– Что же он там будет делать? – засмеялся князь.

– Пусть делает что хочет, пусть ссорится с дворянами, пусть соблазняет их жен, – прервал его король, – но главное – пусть соберет как можно больше

денег, я чувствую, моя новая любовь дорого обойдется мне. Такой бриллиант должен быть оправлен в золото...

- Как, ваше величество, уже любовь?

- Безумная! Фюрстхен, делай что хочешь. Анна должна быть моей.

- А Урсула?

- Женись на ней.

- Благодарю.

- Жени на ней кого хочешь... Сделай все, что тебе вздумается. С этим покончено.

- Уже? - спросил князь с плохо скрываемой радостью.

- Порываю... порву... Гойма озолочу... тебя... ее...

- Но откуда мы возьмем столько золота?

- Об этом пусть думает Гойм, - ответил король, - напиши ему, пусть сам займется акцизным сбором, пусть следит, придумывает, ездит, взимает, только бы не возвращался...

- До тех пор, пока ему уже незачем будет возвращаться, - прошептал князь.

Король вздохнул, они вошли в замок, и Август тут же направился в свою опочивальню, грустный, погруженный в раздумье. Последняя кампания не так огорчила его, как сегодняшняя неудача.

Так началось еще одно, самое долгое женское царствование при дворе Августа II.

Весь двор, весь город с лихорадочным любопытством следили, как развиваются события. Однако развязка, предвидеть которую было нетрудно, все затягивалась. Гойма через курьеров по-прежнему задерживали в провинции, не разрешая вернуться домой.

Графиня Рейс, графиня Вицтум и Фюрстенберг под благовидными предложениями устраивали королю свидания с прелестной Анной, всячески способствуя их сближению; Анна с каждым днем становилась все смелее и благосклоннее, но Август с вечера у графини Рейс не подвинулся ни на шаг к цели, Анна Гойм стояла на своем, не шла ни на какие уступки, и ее выдержка, хладнокровие, умение владеть собой начинали уже всех беспокоить. Опасались, как бы король не передумал, не отступился от нее, как бы кто не воспользовался проволочкой, чтобы уговорить Августа остановить выбор на ком-нибудь другом. Графиня Гойм, сколько бы ее ни спрашивали, отвечала все с тем же невозмутимым спокойствием, что она может стать лишь женой короля, но не возлюбленной. Она требовала если не женитьбы, ибо на пути стояла королева Кристина Эбергардина, то торжественной клятвы сочетаться с ней браком, если король овдовеет.

Условие было странное, необычное. В другие времена, при другом дворе люди не столь легкомысленные отнесли бы к нему как к дикой блажи, но Август, когда Фюрстенберг доложил ему об этом условии, не вымолвил ни слова.

– Признаюсь, – сказал он немного погодя, – это затянувшееся ухаживание мне порядком надоело, надо покончить с ним раз и навсегда.

– Порвать? – спросил князь.

– Посмотрим, – коротко ответил Август.

Больше ничего даже самый близкий его наперсник не мог у него выведать.

В тот же день Август приказал принести из казны сто тысяч талеров золотом. Мешок был тяжеленный, его с трудом притащили двое сильных крепких мужчин. Когда мешок опустили на пол, король схватил его за оба конца и поднял без

всякого усилия. Это была проба. При этом король был так мрачен, что даже Фюрстенберг не решился спросить у него, для чего ему понадобились такие сокровища. Накануне Август виделся с Анной в Бажантарни, куда приятельницы повезли ее на прогулку. Он долго гулял с ней, беседовал, был чрезвычайно нежен, но Анна оставалась все такой же холодной, и уехал он оттуда, как уверяла графиня Вицтум, в небывалом, хотя и затаенном гневе.

Всем было ясно, что развязка близится. Король молчал. И почти ежедневно ездил к княгине Тешен. Она обливалась слезами, выслушивая донесения об Анне Гойм, и осушала глаза, увидев Августа. В такой неопределенности протекло несколько недель. Придворным они показались бесконечными, непонятно было, кому кланяться и воздавать почести, кому нести сплетки. Гойму вдруг не только разрешили, но повелели вернуться, ибо отсутствие его сказалось на казне, – в умении наполнять ее он не знал себе равных.

Вечером того дня, когда ждали возвращения министра, король со ста тысячами талеров в карете велел везти себя во дворец Гойма.

Надвигались сумерки, день стоял осенний, пасмурный. Графиня Гойм была дома одна, она ходила, задумавшись, по небольшой, незатейливо обставленной гостиной. У себя в доме Анна принимала только женщин и потому очень удивилась, заслышав на лестнице мужские голоса. Каково же было ее изумление, когда дверь без всякого доклада растворилась – и в гостиную вошел король.

Дверь сразу закрылась за ним. Испуганная его появлением, не предвещавшим ничего хорошего, Анна невольно отступила. На столике лежал заряженный пистолет – неразлучный спутник ее с первых дней пребывания в Дрездене, хотя все, кто видел его, смеялись над этим.

Когда король вошел, Анна схватила пистолет и спрятала его под накидку. Она проделала это ловко и быстро, но от глаз короля ничего не укрылось.

– Никакая защита вам не понадобится, – сказал он, – тем более такая...

Анна, не в состоянии вымолвить ни слова, в упор смотрела на Августа.

– Выслушайте меня, сударыня, – сказал король, бросив на пол мешок с золотом с такой силой, что он лопнул, и дукаты со звоном разлетелись по паркету, – я могу осыпать вас золотом, званиями, титулами...

Тут он взял в руки две принесенные с собой подковы, разломал их и бросил на кучу золота.

– Но я могу, – добавил он, – тех, кто сопротивляется мне, сломать вот так, как я ломаю железо. Вам предоставляется выбор: золото или железо, любовь или война.

Анна стояла, безразлично глядя на кучу золота и куски железа.

– Ваше величество, – промолвила она, – я не боюсь смерти и не мечтаю о золоте. Вы можете сокрушить меня, как эти подковы, но воли моей вы не сломите. И золото ее не растопит. Почему вы не принесли мне единственное, чем можно меня покорить? Ваше сердце?

– Оно давно принадлежит вам! – воскликнул Август.

– Я этого не вижу и не чувствую, – продолжала все так же спокойно Анна, – любящее сердце не способно обесчестить ту, кого оно полюбило! Не скрою, король, я люблю вас и не в силах противиться этому чувству, но никогда не запятнаю его.

Король подбежал к ней и опустился на колени; Анна отступила в другой конец гостиной.

– Выслушайте меня, король.

– Приказывай.

– Анна Гойм не будет вашей, пока не почувствует себя достойной вашей любви...

– Итак, условия? Говори! Каковы твои условия?

– Письменное обещание жениться на мне.

Август, услышав это, умолк, опустил голову, нахмурил брови.

– Анна, – сказал он, – это опасное для тебя условие.

– Я не отступлюсь, жизнь отдам, но не отступлюсь и не дрогну. Этого требует моя честь. Я должна, хотя бы в мыслях и мечтах, быть вашей женой, или, прежде чем вы дотронетесь до меня, я лишу себя жизни.

Король отпрянул на шаг.

– Хорошо, – сказал он, – будь по-твоему.

Анна радостно вскрикнула.

– Все остальное пустяки, – промолвила она голосом, звенящим от счастья, – теперь надо развестись с Гоймом.

– Завтра же прикажу подписать развод в консистории, – поспешил успокоить ее король. – Чего еще ты хочешь?

– Больше ничего, – тихо сказала Анна, преклонив колени, – мне больше ничего не надо.

– А мне надо, – подхватил Август, заключая ее в объятия, но она тут же выскользнула из его рук.

– Ваше величество, – воскликнула Анна. – Я верю вашему королевскому слову, но не позволю дотронуться до себя, пока не порваны узы, которыми я связана: развод должен быть оглашен, обещание ваше скреплено подписью. Я – жена Гойма, я дала клятву быть ему верной и сдержу ее.

Август молча поцеловал ей руку.

– Как вам будет угодно. Я ваш раб, вы моя владычица! Сегодня приезжает Гойм, объяснитесь с ним. Завтра я прикажу приготовить для вас дворец; сто тысяч талеров в год и оба мои королевства у ваших ног, а с ними и я.

Анна, увидев короля коленапреклоненным, коснулась губами его лба и отошла.

– До завтра!

– Мне уйти? – спросил Август.

– До завтра. – Анна протянула ему руку.

Король покорно встал, молча поцеловал Анну и направился, вздыхая, к дверям. Груда золота осталась на паркете.

В ту же ночь граф Гойм вернулся домой и сразу же бросился к жене, но двери ее комнаты оказались запертыми; графиня спит, сказали ему, она не совсем здорова и не велела никого впускать.

Во время своей вынужденной отлучки граф все больше нервничал и беспокоился о жене. У него, конечно, были свои соглядатаи, доносившие ему о каждом шаге Анны, разумеется, доступном их глазу, и в их сообщениях о визитах и прогулках, в которых почти всегда принимала участие и его сестра графиня Вицтум, ничего порочающего жену не было. И все же Гойм чувствовал, что интриги плетутся, разрастаются, угрожая его супружеству. Но что предпримешь, кому пожалуешься? Главным действующим лицом был король, а короля Гойм боялся пуще всего, ибо отлично знал его. Мнимая доброта и мягкость короля не вводили Гойма в заблуждение. Ни на минуту не забывал он об участии своего благодетеля Бейхлинга. Единственной гарантией казался ему характер жены, ее гордость и забота о добром имени.

В Дрезден Гойм прибыл поздно вечером, в королевском замке еще пировали, но Гойма не тянуло туда. Он поехал домой и, найдя комнату жены запертой, отправился к себе отдохнуть после дороги.

Наутро Гойма обступили акцизные чиновники, потом король прислал за ним, и ему пришлось уехать, так и не повидавшись с женой.

Август встретил министра чрезвычайно ласково и приветливо, что было самым дурным признаком. Король даже упрекнул Гойма в долгом отсутствии, будто не он сам приложил к этому руку.

Гойм с удивлением взглянул королю в глаза. Но ничего в них не увидел.

– У тебя недруги при дворе, – сказал вполголоса Август, похлопывая министра по плечу, – вот они и стараются отдалить тебя от меня; но я могущественнее их и друг тебе, так что ты не беспокойся, я не дам тебя в обиду.

Гойм поблагодарил короля за милость. Август заговорил об акцизе и упомянул о нехватке денег в казне.

– Гойм, дорогой, ты должен любым способом добыть их, мне до зарезу нужны деньги, и очень много.

Было около полудня, когда Гойм после аудиенции, заставившей его о многом призадуматься, вернулся домой. Не успела закрыться за ним дверь кабинета, как другая дверь, из зала, растворилась и Анна, вся в черном, блистая красотой, спокойная и серьезная, вошла, заперев за собой дверь на ключ.

Гойм тут же подбежал к ней, но она холодно его отстранила.

– Я ждала вас, граф, – заговорила она спокойно и непринужденно, – хочу поблагодарить за все хорошее, что вы для меня сделали, и заверить, что никогда этого не забуду и еще считаю своим долгом поставить вас в известность, что брак наш, не будучи основанным на взаимной симпатии, ни мне, ни вам счастья не сулит и потому должен быть расторгнут; несколько проведенных вместе тяжелых лет не позволяют надеяться на лучшее будущее. Нам надо расстаться, граф. Вам известно, что я человек прямой и люблю действовать открыто. Его величество государь оказал мне честь объясниться в своем ко мне расположении, он достоин того, чтобы не быть отвергнутым. Я люблю короля и решила повиноваться его воле. Но обманывать вас я не намерена и потому пришла просить о разводе, он спасет честь вашего имени. Иного выхода нет. Ежели вы добровольно согласитесь на развод, можете не сомневаться в моем хорошем к вам отношении, я постараюсь быть вам полезной; ежели вы вздумаете препятствовать и упорствовать, я своего решения не изменю, но вы тем самым заставите меня забыть о моей признательности и помнить лишь, что вы становитесь помехой моему счастью.

Гойм, с первых же слов официальной и обдуманной речи жены догадавшись обо всем, отпрянул, как громом пораженный. При всех своих опасениях он не предполагал, что дело зашло так далеко.

Его бледное лицо сделалось иссиня-багровым от прихлынувшей к нему крови. Возмущенный словами Анны, а еще более хладнокровием, с каким она их произносила, Гойм пытался несколько раз прервать жену и дать волю своему гневу, но она своим властным взглядом приковала его к месту, заставила молчать.

Говоря, Анна перебирала шнурки платья, кружево на рукаве, мяла в руках платочек. Наконец она кончила, но Гойм, в котором все клокотало от гнева, не мог выдавить из себя ни слова.

– Так вот какова ваша благодарность, милостивая государыня, за то, что я вытащил вас из глухого захолустья! – закричал он, в неистовой ярости подняв кулак. – Змею отогрел на груди своей! Вы бросаете мужа и порядочный дом, чтобы отдаться на милость легкомысленнейшего из людей!

Анна не дала ему продолжать:

– Довольно, граф, мне известно, что вы можете мне сказать, но я знаю, что делаю, и прошу вас, предоставьте мне самой заботу о моей судьбе. Ничто не поколеблет моего решения. Ответьте лишь, согласны ли вы на развод? Останемся мы друзьями или врагами? Да или нет?

Гойм снискал славу неисправимого развратника при дворе, где распущенность звалась галантностью; отношения его с женой были донельзя плохи, любовь к ней остыла давно, но, когда он осознал, что теряет ее, сожаление, ревность, гнев довели его чуть ли не до умопомрачения.

Как всегда, будучи в гневе, Гойм стал раздирать на себе одежду, тереть парик, метаться по кабинету, опрокидывая стулья, и биться головой о стены. Он ломал пальцы, подбегал к окну, бессмысленно поглядев на улицу, снова с яростью обрушивался на графиню, с невозмутимо презрительной усмешкой ждавшую его ответа, и тут же внезапно обрывал свою речь.

Опрокинув стол, он стал бросать себе под ноги кипы бумаг, топтать их. У него был вид обезумевшего человека, который не знает, что творит. И все это, очевидно, было рассчитано на то, чтоб напугать Анну, но его яростный гнев не произвел на нее никакого впечатления. Иронически поглядывая на мужа, она молча отступала к двери и ждала. Так и не дождавшись ответа, она спокойно сказала:

– Я вижу, вам трудно сразу решить, что вы предпочитаете, мир или войну. Даю вам время на размышление... Но должна предупредить вас: вражда со мной и с королем может оказаться для вас небезопасной – от вас зависит, будете ли вы в милости или в опале.

И Анна вышла, не дожидаясь ответа.

Гойм продолжал в безнадежном отчаянии метаться по комнате, и это продолжалось бы еще долго, но тут вошел Вицтум, и Гойм немного пришел в себя.

– Что с тобой, Гойм? – воскликнул Вицтум. – Что случилось?

– Что случилось? Вам лучше знать, ведь это вы, возлюбленные друзья мои, приготовили мне столь приятный сюрприз. Анна бросает меня, потому что она понадобилась королю. Зачем же тогда она стала моей женой? Зачем подарила несколько лет счастья, чтобы потом изменить, осрамить перед людьми, выставить на посмешище...

Вицтум ждал, пока вспышка гнева утихнет.

– Послушай, Гойм, – сказал он, – я прекрасно понимаю, что тебе, быть может, жаль расстаться с прелестной Анной, но ведь сердце ее никогда тебе не принадлежало, а сам ты так распутничал, что трудно поверить, будто ты боготворил ее. Все дело в самолюбии. Жена бросает тебя, а не ты ее. Честь тут ни при чем. Будем благоразумны, я пришел с поручением от короля.

Гойм нахмурился, отпрянул и замолк.

– Что приказывает мне его величество король? – насмешливо буркнул он.

– Он требует твоего согласия на развод с женой и обещает свою милость и признательность, – продолжал Вицтум, – в противном случае, – мне жаль тебя, дорогой Гойм, но я должен предупредить, – последствия могут быть самые плачевные. Выбирай, с королем бороться невозможно. Малейшая неприятность, причиненная графине, будет считаться оскорблением его величества.

– Зачем королю понадобилось мое разрешение? – взорвался Гойм. – Ведь в его власти сделать все, что он захочет. Консистор подчинен ему, а не мне. Я ничего не значу. Отнимают самое дорогое, что у меня есть, и еще ждут моей благодарности.

Вицтум усмехнулся:

– То, что король просит твоего согласия, свидетельство его благосклонности. Это должно понимать как желание оставить тебя на твоём посту.

– Потому что я ему нужен, – промолвил Гойм.

Вицтум присел на диван.

– Дорогой граф, решай, когда я уйду, будет поздно.

Гойм опять принялся бегать по комнате, опрокидывая все, что попадалось на пути, потом истерически захохотал и рухнул на стул.

– Гойм, король ждет ответа, – напомнил Вицтум.

– Ответ и так ясен, – сказал Гойм. – Не издевательство ли, сперва сорвать с человека одежду, а потом, грозя ему палкой, спрашивать, можно ли взять ее себе? Так вот, дорогой зять, передай его величеству, что я премного благодарен ему за то, что он освободил меня от такой обузы, как моя жена, что я согласен на все; что я рад, счастлив, весел и целую его королевские персты. Ведь это немалая честь – принести в дар королю плод, который ты сам уже надкусил... ха, ха!

– Может, выпьешь холодной воды? – прошептал Вицтум, берясь за шляпу.

Он сочувственно пожал Гойму руку.

– Поверь, – добавил Вицтум вполголоса, – ты благодаря жене еще в лучшем положении, чем другие в таких случаях. Я скажу королю, что ты согласен. Успокойся и перестань горевать.

Вицтуму вспомнился, видно, случай из собственной жизни: жену его, сестру Гойма, король в свое время тоже удостоил, ненадолго, правда, своей благосклонности.

Август ждал ответа Гойма у себя в замке, но, потеряв терпение, приказал отнести себя в дом Гойма, где сразу же прошел в апартаменты Анны. Вицтум собрался было уже ехать в замок, когда ему сказали, что король ждет его здесь. По виду и улыбке своего фаворита король понял, что Гойм упорствовать не будет. Прелестная Анна, волнуясь, подбежала к послу.

– Вы оказались счастливее меня, граф?

– Счастливей вас никто быть не может, – ответил, кланяясь, Вицтум, – но я был терпеливее, дал Гойму излить свое негодование, а потом он на все согласился.

Черные глаза Анны засияли радостью, она чуть не кинулась Вицтуму на шею.

– Вы принесли мне свободу и счастье, граф, не знаю, как отблагодарить вас.

На столике стояла золотая табакерка, Анна схватила ее и протянула Вицтуму.

Но подошедший к ним король увидел это и резко вырвал табакерку из рук Вицтума. В табакерку был вправлен миниатюрный портрет Анны, сделанный несколько лет тому назад.

– Прошу прощения, – воскликнул король, – но это слишком много для тебя, Вицтум, по королевскому праву я конфискую табакерку, а взамен дарю тебе двадцать тысяч талеров: этот портрет никому, кроме меня, принадлежать не может.

Анна бросилась королю на шею.

На другой день в консистории граф и графиня Гойм заявили о разводе через своих уполномоченных; королевский указ ускорил обнародование решения консистории, и оно через два дня висело уже на всех площадях, зданиях и в публичных местах, как того хотела Анна.

В тот же день графиня переехала из дома мужа в приготовленный для нее особняк неподалеку от замка, с которым его соединила спешно, за несколько часов сооруженная крытая галерея.

Слух об этом событии разнесся с быстротой молнии по всему городу. Анна Гойм сразу отказалась от имени мужа и стала называть себя госпожой Козель – так называлось поместье ее родных в Гольштинии. Август клятвенно обещал ей выхлопотать у императора Иосифа графский титул, а вместо дома, где она временно поселилась, воздвигнуть за несколько месяцев дворец из «Тысячи и одной ночи».

Ни одна из фавориток не сумела так овладеть помыслами и сердцем Августа. Никто не пробуждал еще в нем такой страсти, как Анна Козель. Король почти не выходил от нее, он исчез для других, позабыл обо всем на свете.

Княгиня Тешен, с которой Август до последнего времени был преувеличенно нежен, сразу же узнала обо всем. Развод Анны Гойм, ее переезд поближе к замку не оставляли сомнений, что царствованию княгини Тешен пришел конец. Впрочем, отставка ее не повлекла за собой опалы, она лишилась только возможности видаться с королем и всяких надежд на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По титулу (фр.).

2

Тысяча чертей! Тьфу, пропасть! (нем.)

3

Сохраняя уважение (лат.).

4

Пропасьть влечет (лат.).

5

Помни о смерти (лат.).

6

Мой милый Августин (нем.).

7

Колоандер – герой популярной, в то время переведенной с итальянского авантюрно-любовной повести «Колоандер, свято хранящий верность Леониде».

8

Браво! Брависсимо! (ит.)

9

Мы среди своих (фр.).

10

Эгерия – согласно древнеримской легенде, советчица короля Нума Помпилия.

11

Глас народа (лат.).

12

Омфала – в греческой мифологии лидийская царица, которой служил Геракл.

13

С глазу на глаз (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/krashevskiy_yuzef/grafinya-kozel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)